

«В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВЕЧНО ОСТАЛСЯ...»

УРАЛЬСКИЕ ПОТОМКИ ГРУЗИНСКИХ КНЯЗЕЙ ЭРИСТОВЫХ

СТАРИННАЯ РОТОНДА

Жители города-спутника Екатеринбурга - Березовского хорошо знают располагающуюся на городском кладбище вблизи от храма Успения Божией Матери старинную ротонду. Под деревянным, сверху обшитым старым кровельным железом сводом, поддерживаемым восьмью колоннами, стоит накренившийся обелиск, на котором можно прочесть, что в этом месте захоронена вдова генерал-лейтенанта, княгиня Мария Гавриловна Эристова, скончавшаяся 8 мая 1835 года. Другие надписи на обелиске свидетельствуют, что тут же захоронены княжна Варвара Степановна Эристова и двухлетний младенец Павел Кокшаров, умершие в 1827 году. В двадцатом столетии многие старинные кладбища на Среднем Урале активно разрушались, поэтому в наши дни как в Екатеринбурге, так и в ближайших к нему населенных пунктах вряд ли можно отыскать столь же старое захоронение, как могила князей Эристовых в Березовском.

Надгробный обелиск княгини М.Г.Эристовой.

Фото 1989 г.

Сама фамилия представителей этого княжеского рода указывает на их кавказское происхождение. Известный березовский краевед, основатель Березовского краеведческого музея, впоследствии музея Истории добычи золота, С.С.Опенкина, заинтересовавшись историей появления этого надгробия в Березовском, дабы выяснить,

откуда на Урале появились кавказские князья, делала в 70-е годы частые запросы в Грузию и Армению, но ответа ей не последовало. В Госархиве Свердловской области С.С.Опенкиной удалось отыскать сообщение от 5 мая 1827 года о том, что горный чиновник, маркшейдер Березовского завода Иван Константинович Кокшаров, 37 лет, был на исповеди со своей женой Глафирой Степановной, 31 года. С ними были их дети: Николай - 9 лет, близнецы Александр и Дмитрий — 5 лет и Иван - 3 лет, а также его теща - генерал-лейтенантша, княгиня Мария Гавриловна Эристова - 58 лет и ее дети Елена Степановна 32 лет и 27-летняя Варвара Степановна.

Благодаря стараниям С.С.Опенкиной, полагавшей, что в Березовском захоронены родственники сосланных на Урал декабристов, в 70-е годы XX века памятник и ротонда над могилой представителей княжеского рода Эристовых были восстановлены и взяты под охрану. Еще более в связи березовской княгини с историей декабристов С.С.Опенкина уверилась, познакомившись в 80-е годы с проживавшими в Свердловске потомками княгини Марии Гавриловны - Евой Григорьевной Кокшаровой и ее дочерью Натальей Михайловной Степановой. Ева Григорьевна рассказала С.С.Опенкиной, что ее отец, потомок в третьем поколении Березовской княгини Марии Эристой, председатель Дворянского собрания Верх-Исетского горнозаводского округа Григорий Константинович Кокшаров, как-то, повествуя ей, своей тогда еще очень-очень маленькой дочери, об истории их рода, говорил, что «князь Степан Эристов был сослан», и даже, якобы, указал ей на то место статьи о князьях Эристовых в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, где написано об этом. В этом известном дореволюционном энциклопедическом издании ни статьи об Эристовых, ни в каких-либо других статьях обнаружить сообщение о «ссылке» князя Степана Эристова не удалось. Есть сообщение о том, что в 1832 году за участие в подготовке восстания грузинских князей и дворян, направленного против господства российской чиновничьей администрации на Кавказе, был сослан в Польшу известный грузинский писатель-драматург, создатель грузинского театра Георгий Давидович Эристов. Судя по всему, рассказывая дочери историю своих предков, отец Евы Григорьевны указал именно на это обстоятельство. Здесь представляет интерес то, что для потомков грузинского князя Степана Эристова, носивших теперь уже совсем другие фамилии, и не менее чем грузинскому князю Степану Эристову, являвшихся наследниками известных российских дворян - Кокшаровых, родственная связь со старинным грузинским княжеским родом продолжала, даже в начале XX века, иметь особое значение. Среди потомков захороненной в Березовском княгини были такие известные в России люди, как выдающийся ученый-геолог Николай Иванович Кокшаров, тот, кого часто называют создателем российской школы кристаллографии; врач-физиолог, сотрудник В.М.Бехтерева и И.П. Павлова, профессор Казанского университета Николай Александрович Миславский (его именем названа одна из улиц в г. Казани). Ее потомком является выдающийся отечественный врач-инфекционист Андрей Дмитриевич Адо.

Кто же они - князья Эристовы, как попали на Урал?

ГРУЗИНСКИЕ КНЯЗЬЯ ЭРИСТОВЫ – ПРЕДКИ КНЯЗЯ СТЕПАНА

Уже порядка двух тысяч трехсот лет тому назад, во времена великого царя Иберии Фарнаваза, в Восточной Грузии существовало восемь эриставств. Точный перевод слова «Эристави» с грузинского - «Глава народа». Видимо, изначально эта должность была выборная, но со временем превратилась в переходящую по наследству. В той же самой

статье о князьях Эрнстовых, напечатанной в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, которую некогда Григорий Константинович Кокшаров зачитывал своей дочери - маленькой Еве, указано, что на начало XX века в Грузии оставалось три княжеских рода, носивших фамилию Эристави. Представители одного из них - Эристави-Имеретинские являлись младшей ветвью Имеретинского царского дома, два другие рода князей - Эристовы-Арагвские и Ксанские - были потомками великого воеводы, одного из основателей Иверской обители на горе Афон в Греции, эристава Торникия (умер в 1028 году). Эристав Георгий Торникий, под началом которого войско грузинского царя Давида Куропалата одержало немало побед, состарившись, решил провести остаток дней своих в небольшой грузинской обители, отстроенной на горе Афон в Греции его сродственниками - братьями Иоанном и Евстафием Багратидами. Когда к границам Византийской империи подошло огромное мусульманское войско во главе с правителем Персии Склярсом, императрица Феодора обратилась к эриставу Георгию Торникию с просьбой возглавить ее войско и дать врагу решительный отпор. Летописи свидетельствуют, что долгое время эристав Торникий, уже принявший монашеский сан, не решался оставить свое служение богу и снова взять в руки меч, и только получив на то соизволение грузинского католика Арсена, встал во главе византийской армии. Более тысячи лет в грузинском народе эристава Торникия продолжают почитать как героя. В советское время его имя, тесно связанное с историей прославления Иверской обители на Афоне — одной из величайших святынь Православия, постарались стереть из народной памяти. Во второй половине XIX века образ уже пожилого монаха, который не только нашел в себе силы снова взять в руки оружие, но и в преклонных годах совершил самое великое деяние в своей жизни, становится для выдающихся грузинских поэтов аллегорией своего древнего народа, который, восстав к активной жизни, способен совершить много славных дел. Великий грузинский поэт Акакий Церетели, создавая поэтическую версию жития эристава Торникия — поэму «Торнике Эристави», следующими словами передает напутствие Торникию патриарха Арсена:

«Верит весь народ в победу,
Если ты пойдешь как вождь.
Можно ль рушить веру эту?
В этой вере — наша мощь! ...
Меч возьми, Творцу в угоду,
Пусть, дрожа, бегут враги,
Византийскому народу,
Древней церкви помоги!»

(Перевод С.Спасского)

Объединенным греческим и грузинским войском, выступившим под руководством Эристава Торникия, могущественный враг был полностью разбит. Византийская императрица Феодора одарила Торникия Эристава богатыми дарами, которые, по совету грузинского монаха-отшельника Гавриила, были потрачены Торникием на постройку новых, величественных храмов и зданий в Иверской обители на Афоне. Вот как звучит совет монаха-отшельника Гавриила в пересказе Акакия Церетели:

«Вспомним же Святую гору,
Ту, где Торнике живет,
Благочестия опору,
Веры праведный оплот.
От забвения героев
Вы спасете имена,
Лавру новую построив,
— Вот на что нужна казна.
Пусть же на горах священных,
В лавре, выстроенной там,
Поминают убиенных,
Жизнь пожертвовавших нам»
(Перевод С.Спасского)

Эристав Георгий Торников, отстроив фактически заново Иверскую обитель на Афоне, воздвиг в ней храм Успения Богоматери, по окончании строительства которого, 27 апреля 999 года свершилось обретение иконы Божией Матери - одной из самых значительных святынь православной веры. В своей поэме «Торнике Эристави» Акакий Церетели следующим образом пересказывает древнее православное предание:

«Божьей матери икона,
Лучезарна и светла,
Прямо к берегу Афона,
Вся сияя, подплыла.
Но священную находку
В руки взять никак нельзя:
Только подведут к ней лодку,
Скроется она, скользя.
Днем она в туман одета,
Недоступная для всех.
Верно, означает это,
Что монахов борет грех. ...
Все скорбят, удвоив бденья,
Но монаху одному

Было сонное виденье —
Божья мать пришла к нему
И сказала:
«...Чтоб мое прославить имя,
Мне воздвигли новый храм Иверийцы.
Между ними
Проживает старец там.
Он зовется Гавриилом.
Чудотворный образ мой
Будет лишь ему по силам
Взять смиренною рукой...».
Все, узнав об этой вести,
Стали снова веселы. ...
Шли по храмам осиянным
С жаркой радостью в груди,
И со старцем Иоанном

(Прим, автора статьи: Иоанном Багратидом - одним из основателей Иверской обители)

Торнике шел впереди.
И, наказ исполнив строго,
Образ принесли в собор,
И чудес великих много
Совершилось там с тех пор».

(Перевод С.Спасского)

Российский патриарх Никон был много наслышан о чудесах, исходящий от иконы Божией Матери, прозванной по расположению во вратах грузинской обители на Афоне Иверской иконою, «Вратницей» или «Портантиссою». По его инициативе проживавшим на святой горе монахом Иамвлихом Романовым был сделан с этой иконы список. Доставленный в Москву 13 октября 1648 года, он сделался одной из величайших святынь России. В Грузии на протяжении тысячи лет продолжают чтить память эристава Торникия, благо, что его потомки дожили до нашего времени. В 1510 году царь Соломон I передал одному из потомков великого воеводы и церковного деятеля - эриставу Иасону Арагвскую область, расположенную в самом центре Восточной Грузии. Находящуюся рядом крепость Ксани и окружающие ее земли отдал младшему брату Масона. От внука Масона - Нуксара Арагвского (умер в 1618 году) проистекает старшая ветвь потомков Торникия Эристава -

Эриставы Арагвские. От потомков младшего брата эристава Масона происходит младшая ветвь потомков монаха-воеводы эристава Торникия — Эриставы Ксанские. Мемуары выдающегося ученого-геолога Николая Ивановича Кокшарова, опубликованные в журналах «Русская старина» за 1890 год, позволяют сделать совершенно четкий вывод о принадлежности людей, захороненных под ротондой в центре старого городского кладбища г. Березовского, к роду Эристовых-Арагвских. Свои мемуары Николай Иванович начинает с сообщения о том, что его отец, Иван Константинович Кокшаров, окончив курс наук в Горном кадетском корпусе, был командирован на службу в алтайские заводы и рудники. Там он в 1817 году женился на княжне Глафире Степановне Эристовой, дочери коменданта крепости Усть-Каменногорская, генерал-лейтенанта, князя Степана Давидовича Эристова. Отсюда нетрудно вывести родословную Николая Ивановича Кокшарова. Его прадед - потомок Нуксара Арагвского в четвертом поколении Давид Зурабович Эристов прибыл в Россию в 1734 году, для того чтобы принять участие в походе на территорию Закавказья объединенной русско-грузинской армии под руководством царя Вахтанга VI, укrywшегося в России от преследований со стороны персидского шаха еще в 1724 году. В момент выступления и продвижения вниз по Волге грузинская армия узнает, что город Шемаха, откуда должны были начаться военные действия против шаха, занят противником, а по прибытию в Дербент Вахтангу VI становится известно, что русские войска вынуждены были отойти к Кизляру. Грузинское войско отходит к Астрахани, где грузинский царь остается жить вопреки желанию своей свиты. Умер Вахтанг VI в 1737 году. Находившийся в свите царя Вахтанга выдающийся грузинский поэт Давид Гурамишвили в следующих стихах описывает переживания грузин, оставшихся на чужбине без своего повелителя:

«Умер царь, и нам, грузинам,

Нелегка была утрата.

Тьмой подернулся ночью

Свет, сиявший нам когда-то.

С перебитыми крылами

Заметались мы, орлята,

Запищали безнадежно,

Как без курицы цыплята»

(Перевод Н. Заболоцкого)

Русское правительство предложило грузинам, находившимся в войске царя Вахтанга и в его свите, принять, кто изъявит желание, русское подданство и поступить на российскую военную службу. Большинство из них приняло это предложение. Сохранился текст присяги, который подписывали переходящие на русскую службу бывшие подданные царя Вахтанга VI. Такую присягу на верность России должен был подписать и прадед Николая Ивановича Кокшарова - князь Давид Эристов:

«Понеже объявления ея императорского величества указ грузинскому князю Давиду Эристову в том, что ему прежде вступления ея имп. велич. службу и принятия

пожалованных деревень натурализоватца и никуда за границу без указа не отъезжать и в верности имп. величеству учинить присягу, того ради, он, Давид Эристов, во исполнения того ея имп. величества высокого указа сим себя в том утверждает и обязуется, что в российской империи вечно остался и никуда за границу без указу не будет и верности ея имп. величеству присяги учинить желает и подписуется в Санкт-Петербурге, июля 7 дня, 1738 года».

Трагичность этого документа в том, что оказавшиеся на чужбине грузины жили подчас одной мечтой - вернуться на Родину, что им присяга на верность российской короне запрещала. В указе императрицы Анны Иоанновны от 25 марта 1738 года сказано: «Учредить из них, грузинцев, гусарскую роту». В ней насчитывалось 12 офицеров, один священник (Гаврила Гарсеванов), один ротный писарь, один цирюльник, два барабанщика, 70 рядовых. Среди рядовых числился бывший придворный поэт царя Вахтанга VI, князь Давид Гурамишвили, среди офицеров-прапорщиков - князь Давид Эристов. Каждому поступившему на службу к российской императрице указом Анны Иоанновны выдавались на Украине «в пристойных местах деревни и земли в вечное потомственное владение, каждому по пропорции, которые ныне в службу вступить имеют». Князьям полагалось при этом тридцать дворов крестьян.

В ходе войны с турками в 1738 году фельдмаршал Миних не раз докладывал в сенат о храбрости, стойкости и блестящем поведении грузин: «Оные грузинцы службу свою весьма храбро оказывают»; «Грузинцы поступали так, как надлежит храбрым и надежным людям, так что более требовать невозможно. ... Грузинцы весьма потребны». В этой войне при осаде Очакова погиб прадед Николая Ивановича Кокшарова - грузинский князь, прапорщик Давид Зурабович Эристов. Уже после смерти отца родился его сын Степан.

14 октября 1741 года был издан «высочайший указ» о формировании Грузинского гусарского полка в составе 10 рот, в который, еще ребенком, Степан Давидович Эристов был зачислен в 1750 году. В том же году умерла его мать - княгиня Елена Эристова. Действительную службу Степан Давидович Эристов начал в 1758 году в звании капрала, в должности квартирмейстера. В 1759 году Степан Эристов стал вахмистром и с этого же года - прапорщиком. Интересно, что продолжавший службу в этом же полку Давид Гурамишвили в 1748 году был удостоен звания прапорщика, а в 1755 — подпоручика. В отставку известный грузинский поэт вышел летом 1760 года в чине поручика, а значит, некоторое, хотя и весьма незначительное, время князь Степан Эрнстов являлся его однополчанином. Обращает также на себя внимание то, что в начале и в конце своей военной службы Степан Давидович Эристов был вовлечен в дела, связанные с хозяйственной стороной жизни армии (в начале своего боевого пути - он квартирмейстер, в конце — комендант крепости).

В 1785 году трагически погибает первая жена князя Степана Давыдовича ~ Варвара Матвеевна, урожденная княжна Баратаева. Вторая жена князя - Мария Гавриловна Эристова была моложе своего супруга лет на тридцать. Умер Степан Давидович Эристов в 1804 году. У внука князя Степана - Николая Ивановича Кокшарова, родившегося 23 ноября 1818 года и остававшегося до лета 1822 года на хуторе деда, расположенном поблизости от Усть-Каменногогорска, сохранились крайне смутные воспоминания об алтайском периоде своей жизни. Говоря о том месте, где он появился на свет, Николай Иванович вспоминает только «дом со службами, окруженный кустарниками и лесом, ... и перед ним пруд».

княгиня МАРИЯ ГАВРИЛОВНА

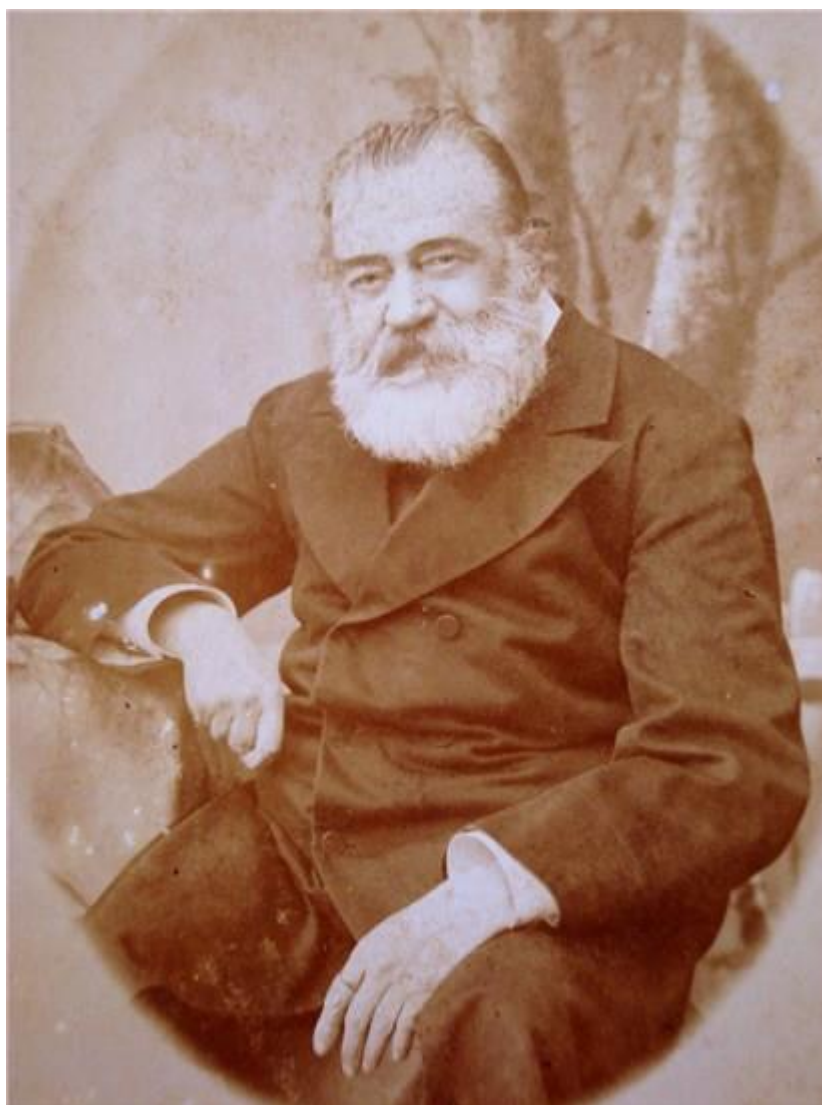

Кокшаров Николай Иванович

Николай Иванович Кокшаров в своих воспоминаниях очень много поведал о бабушке - княгине Марии Гавриловне Эристойвой. В жизни этой женщины особую роль играла религия. В Березовском она жила, как вспоминает Николай Иванович, «поблизости заводской церкви» и была «очень богомольна». Утром, вставая ото сна, княгиня Мария Гавриловна, по словам Н.И.Кокшарова, «сначала молилась дома, потом шла к обедне». Николай Иванович вспоминает комнату, в которой жила его бабушка в своем доме, отдельном от дома его отца — управляющего Березовским золотым рудником Ивана Константиновича Кокшарова. Эта комната вся была «накурена ладаном», «в углу на полках стояло множество образов в серебряных ризах, с зажженными пред каждым из них свечами и лампадкой перед образом Спасителя». Николай Иванович вспоминает, как его бабушка «становилась на колени посреди комнаты и с распростертыми руками молилась с величайшим благоговением». Н.К.Кокшарова глубоко затрагивала та искренность чувств, которая проявлялась в обращении к Богу его бабушки. «Такой чистой, искренней молитвы мне редко случалось видеть», — пишет уже пожилой, немало видевший на своем веку человек, вспоминая далекое детство. Посвящая молитве день, вечера княгиня Мария Гавриловна отдавала игре в карты: «Играла в карты (в бостон) со священником и

некоторыми лицами, проживавшими на заводе. Играла она по самой маленькой, но весьма серьезно, как будто дело шло о предмете большой важности». То, как вечерами Мария Гавриловна играла в карты, на ее внуков производило не меньшее впечатление, чем то, как утром и днем она глубоко и проникновенно молилась. Николай Иванович вспоминает: «У меня еще и до сих пор звучит в ушах ее голос: бостон, вист, в сюрсах...». Из детских воспоминаний Николая Ивановича явствует, что «серьезность», с которой предавалась карточной игре его бабушка, следовала вовсе не из ее природы азартного игрока и не из какой-то алчности или корысти. Для нее карточная игра - способ общения с другими, достойными людьми, среди которых были и люди духовного звания. Придавала она этому общению, проходившему в рамках самого обычного светского занятия, вид некоего ритуала, сравнимого с религиозным действием. Мария Гавриловна - представитель известного аристократического грузинского рода, а у грузин так уж заведено - относиться к бытовым, обыденным вещам почти как к религиозному действию, и тот, кто хотя бы раз присутствовал за грузинским застольем, это поймет.

Кокшаров Константин Иванович

В доме своей бабушки - Марии Гавриловны Эристойой ее внуки активно привлекались к церковной православной традиции, но делалось это, порою, весьма оригинальным путем - через детские ролевые игры. Например, брат Николая Ивановича

Александр, воспитывавшийся в доме бабушки, «часто ходивший в церковь, мастерски выучился служить обедню и при любом удобном случае играл, как он выражался, «в попы». При этом его брат Николай изображал дьякона, а брат Дмитрий - дьячка. У прислуги княгини Марии Гавриловны такое поведение ее внуков вызывало крайнее возмущение. Сама Мария Гавриловна ограничивалась, судя по всему, невмешательством. Вообще, в доме бабушки ее внукам многое сходило с рук, они, по словам Николая Ивановича, «предавались всякого рода играм, забавам, бегали, шумели». Их никто ни за что не бранил, об учении не было и помину. Николай Иванович вспоминает: «Старушка баловала нас как нельзя более, и мы боготворили ее».

Интересно, что совсем не как жесткое принуждение по отношению к себе Николай Иванович Кокшаров рассматривал то, как бабушка принуждала его соучаствовать в своих, весьма трудных, требовавших большого напряжения духовных и физических сил даже от взрослого человека, молитвенных занятиях:

«Однажды бабушка узнала, что я умею читать по-славянски, и очень этому обрадовалась. С тех пор она сделала меня участником своей утренней молитвы. ... Долго исполнял я мою обязанность очень усердно, но в один день от сильно накуренного ладана или от продолжительности бабушкиной молитвы со мной сделалось дурно, в глазах потемнело, и я упал без чувств к ногам молящейся. Столько же велико было отчаяние бабушки в этом случае, сколько велика радость, когда я очнулся на ее кровати, весь облитый одеколоном и холодной водой».

На общем фоне любви, уважения к ним как к маленьким личностям все, что происходило в доме у бабушки, даже выполнение очень трудных поручений, воспринималось ее внуками как соучастие в таинственном загадочном действе, каком-то удивительном празднестве. Давая своим внукам полную свободу в проявлении себя, княгиня Мария Гавриловна старалась удержать их рядом с собой, вовлекая их в то дело, которому была сама предана. Как бы вскользь, в одном из примечаний к основному тексту мемуаров Николай Иванович Кокшаров вспоминает:

«Брат мой Александр и сестра Мария родились близнецами. В день их рождения бабушка взяла брата Александра на руки, перекрестила и сказала, что он будет ее дитя и что она позаботится о его судьбе. С тех пор старушка не расставалась со своим Сашей до конца жизни».

Этот странный, на первый взгляд, эпизод выглядит несколько иначе, если мы вспомним широко распространенную в Средние века практику взятия в заложники детей правителей подвластных территорий с целью удерживания этих территорий в повиновении. В Закавказье такая практика была чрезвычайно широко распространена, а в отношении Грузии неоднократно применялась со стороны ее могущественных соседей. «Заложником» своих родителей, пребывание которого в бабушкином доме было необходимо княгине Марии Гавриловне Эристойой, чтобы воздействовать на дочь и зятя в тех условиях, когда носителей фамилии «Эристов» у потомков княгини Марии Гавриловны не оставалось, стал один из сыновей Ивана Константиновича Кокшарова. Этим, во многом очень символическим шагом княгиня Мария Гавриловна Эристова намекала его родителям на свое положение старшей в роду. Надо сказать, что в среде простого грузинского народа своего рода заложниками людей перед верховными богами представлялись рано умершие

дети. Их место, согласно древнегрузинским языческим представлениям, было определено рядом с богиней Солнца — великой матерью всех богов Ану Упало. Пребывание детей человека в доме верховных богов не омрачается, согласно древним религиозным языческим грузинским преданиям, никакими заботами, проходит в радости. Частые приглашения сыновей Ивана Константиновича Кокшарова Николая и Дмитрия в бабушкин дом Н.И.Кокшаров объясняет в своих мемуарах следующим образом: «Чтобы веселей было ее (княгини Марии Гавриловны) милому Сашеньке».

Его братьям Николаю и Дмитрию, попадавшим в бабушкин дом время от времени, очень не хотелось потом возвращаться обратно, в дом отца: «Грустное наступало время, когда являлись за нами посланные из дому дрожки,... приходилось расставаться со всеми прелестями свободной жизни у бабушки. Опять мы попадали под строгий надзор». Речь здесь — не об отсутствии заботы и внимания со стороны отца и матери, отнюдь. Иван Константинович очень любил своих детей, каждый раз, приезжая из Екатеринбурга, привозил им новые игрушки. Однако дети очень сильно чувствовали разницу в стиле обращения с ними, установившуюся между бабушкиным и отцовским домами. В бабушкином доме внуки принадлежали сами себе, в родительском — хозяевами были взрослые люди.

Через 34 года после смерти княгини Марии Гавриловны Эрнстовой недалеко от места ее погребения взамен старой деревянной часовни, отстроенной еще в 1806 году, был возведен каменный храм во имя Успения Божией матери. Захоронение представителей рода Эрстовых-Арагвских недалеко от этого храма превращается в смысловую, знаковую ниточку, увязывающую с этого времени Березовский с Иверской обителью на Афоне, где великим предком захороненных под ротондой на Березовском кладбище людей (дочери Марии Гавриловны - княжны Варвары Степановны Эрстовой и ее внука — двухлетнего младенца Павла Кокшарова) был построен храм в память Успения Богоматери. Еще одно удивительное совпадение: в самом имени и отчестве «Березовской княгини» отобразилось то обстоятельство, что храм Успения Божией Матери — Девы Марии в Иверской обители на горе Афон был воздвигнут Торникием Эрстави по предложению грузинского монаха-отшельника Гавриила.

БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ДОМ ПОТОМКОВ КНЯЗЯ СТЕПАНА

Жившие на Урале потомки князя Степана (дети его дочерей Глафиры и Елены) создали сообщество близких родственников - потомков грузинского князя Степана Эрстова, которое просуществовало на протяжении четырех поколений. Значительную роль в закладке фундамента этого сообщества сыграла сама княгиня Мария Гавриловна. Для нее все, что было связано с ее мужем, представляло особую ценность. На это указывает, по крайней мере, то, как звали ее дочерей. Елена - имя матери князя Степана Давыдовича Эрстова, Варвара (дочь княгини Марии Гавриловны, покоящаяся в одном склепе с «Березовской княгиней») - имя первой жены князя Степана. Во втором и третьем поколении потомков князя Степана Давыдовича и Марии Гавриловны Эрстовых, между детьми и внуками дочерей Марии Гавриловны Глафиры и Елены неоднократно заключались браки двоюродных братьев и сестер. В этих браках можно установить весьма любопытную закономерность: на протяжении нескольких поколений потомки князя Степана Давыдовича пытались сохранить равную степень наследования своему грузинскому предку. Все его потомки, относящиеся к одному поколению, приходились по

отношению друг к другу либо родными, либо двоюродными братьями и сестрами. Поэтому в роду потомков князя Степана Эривасти, людей совершенно русских, носивших фамилии Кокшаровых, Москвиных, Миславских, создавалась особая среда, когда представители старшего поколения стремились к передаче жизненного опыта не только своим сыновьям, но и племянникам, а представители одного поколения проявляли друг в отношении друга особую заботу и внимание. Лучше всего это проявлялось в то время, когда с потомками князя Степана Давыдовича случались несчастья. Сразу же оказывавшиеся поблизости от таких людей другие представители этого сообщества близких родственников приходили на помощь, почитая своей первейшей обязанностью делать для попавшего в беду своего родственника все возможное. Интересно, что родные братья и сестры попадавших в беду потомков князя Степана от тех более дальних родственников, которые находились рядом с терпящими бедствие, могли требовать полного отчета в том, как их двоюродные братья и сестры по отношению к их родным братьям и сестрам себя проявляли. Те, с кого требовали отчета, в свою очередь, считали для себя вполне нормальным подробно отчитываться в своих действиях. При этом в сообществе близких родственников - потомков грузинского князя Степана Эриваста отношения друг к другу строились на признании друг друга личностью, индивидуальностью, человеком, имеющим право на свое особое мнение. Когда Варвара Константиновна Кокшарова-Кузнецова выспрашивает в своем письме у дочери своего дяди Николая Ивановича Кокшарова, оказавшейся в Санкт-Петербурге рядом с находившейся при смерти Магдалиной Константиновной - родной сестрой Варвары, дала ли дочь Николая Ивановича прочесть Магдалине телеграмму с заверениями ее родных братьев и сестер в своей горячей любви к ней, дочь Н.И.Кокшарова, отвечая отрицательно, поясняет это следующими словами: «Я уверена (зная глубину чувств Лины и ее доброту), что вид Вашего отчаяния только усилил бы ее муки. Я - лично - очень желала видеть Вас около сестры, но я не хотела, чтобы на ее укоризненный взор я не могла бы по чистой совести ответить: я не обманывала тебя и не я презрела твое высокое желание».

Уральские потомки грузинского князя Степана Давыдовича Эриваста отличались особой коммуникабельностью; поместье, принадлежавшее внуку князя Степана Эриваста Константину Ивановичу Кокшарову, - Метлино часто посещали гости, среди которых можно назвать как породнившегося с ними известного российского ученого-зоолога Леонида Павловича Сабонеева, так и писателя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка.

В 1853 году на внучке князя Степана Давыдовича Эриваста Аполлинии женился в будущем известный не только на Среднем Урале, но и в России в целом врач-хирург Александр Андреевич Миславский. В 1856 году Аполлиния скончалась, оставив А.А.Миславскому двух детей - сына Николая и дочь Марию. А.А. Миславский в своих воспоминаниях пишет: «Родные покойной приняли участие в моем печальном положении, результатом чего в октябре ... 1856 года ... последовал служебный перевод в Нижне-Исетский завод... 18 апреля 1858 г. я вступил в супружество с дочерью горного инженера Софией Людвиговной Грасгоф. Брак совершился в храме Сысертского завода, по месту жительства невесты, гостившей тогда в семействе управляющего заводами К. Ив. Кокшарова». Приведенная цитата свидетельствует о том, насколько для потомков князя Степана Эриваста была важна забота о тех людях, кто связал свою судьбу с их родом. До смерти своей супруги А.А.Миславский работал врачом в отдаленном Богословском округе. Госпиталь Верх-Исетского завода, расположенного в непосредственной близости к Екатеринбург, — место, куда А.А.Миславский был переведен по настоянию

родственников своей первой жены, был одним из самых лучших медицинских заведений в России, о котором во время своей поездки на Урал император Александр I высказался следующим образом: «Если б я был богат, то всем солдатам моим выстроил бы такие больницы».

КНЯзь ЭРИСТОВ - КОМЕНДАНТ УСТЬ-КАМЕНОГОРСКОЙ КРЕПОСТИ

Датой основания Усть-Каменогорской крепости, возникшей у впадения реки Ульбы в Иртыш (ныне город Усть-Каменогорск является административным центром Восточноказахстанской области), считается 1720 год. Еще в 1713 году губернатор Сибири князь Матвей Петрович Гагарин представил Петру I проект строительства Иртышской линии укреплений, простирающихся от Тобольска до джунгарского города Яркенда, располагающегося в верховьях Иртыша у озера Зайсан. Предложенная князем Гагариным к строительству вдоль Иртыша линия крепостей пересекала надвое джунгарские владения, с чем джунгары смириться не могли. Одним из богатств Верхнего Прииртышья является золото, и само основание Усть-Каменогорской крепости связано с легендами о нём. От сибирского губернатора Петру I стало известно, что где-то на реке Иркеть в изобилии водится «песочное золото» и добывается оно «во время половодья с помощью попона, ковров и сукон». На поиски легендарного Яркенда (Иркети) в июле 1715 года была отправлена экспедиция под командованием подполковника Ивана Бухгольца. Трехтысячный отряд Бухгольца подошел к берегам озера Зайсан, где русскими была построена деревянная крепость. 9 февраля 1716 года она была окружена десяти тысячным войском джунгар. Бухголец вынужден был вступить в переговоры с предводителем джунгар Церезн-Додоном и, срыв крепость до основания, отступил. На обратном пути он при впадении реки Оми в Иртыш основал Омскую крепость, что послужило началом создания Иртышской укрепленной линии, закрывшей пути агрессии джунгар на казахские степи. Гарнизоны крепостей в первые годы состояли из солдат и офицеров регулярной армии и пополнялись казаками сибирских городов Тобольска, Тары, Тюмени, а также казаками с Дона, Волги, Урала. Казаки должны были, наравне с солдатами, охранять крепости, сплавлять лес, доставлять почту, возить соль. Отслужив год, они могли возвратиться домой, а при желании остаться служить дальше. Позже казаки стали приезжать сюда на службу семьями, и рядом с крепостями возникли казачьи станицы. При этом наделялось до 30 десятин земли на долю одного человека мужского пола, а также угодья под сенокосы и пастбища.

В 1719 году Петр I направляет отряд для рассмотрения злоупотреблений Сибирского губернатора Матвея Гагарина, отдавая командиру отряда, гвардии майору Ивану Михайловичу Лихареву, в частности, следующие указания: «Тебе, как доброму и честному офицеру, надлежит всеми мерами освидетельствовать по рассказам Гагарина и подполковника Бухгольца о золоте Иркетском ... и, разведав, попытаться дойти до озера Зайсан, и, если туда можно дойти и там есть такие берега, что есть леса и прочие потребности для жилья, то построить у Зайсана крепость». Экспедиция Лихарева отправилась в 1720 году, но, достигнув озера Зайсан, под напором джунгар была вынуждена отойти, и в устье реки Ульбы Лихарев заложил укрепление, что послужило началом строительства Усть-Каменогорской крепости. Свое название, согласно документам тех лет, крепость получила «по каменистым горам, сквозь которые река Иртыш на сем месте протекая, сочиняет якобы устье в оных горах». Оставив в устье реки Ульбы

полковника Прокопия Стукина и инженера Летранжа, поручив им дальнейшее строительство фортификационных сооружений, Лихарев вернулся в Петербург. В первой половине XVIII столетия Усть-Каменогорская крепость имела правильные четырехугольные очертания с выдвинутыми по углам бастионами, окружена была рвом и валом, на котором был поставлен деревянный забор в рост человека вышиной. Внутри крепости находились четыре деревянные башни, церковь, канцелярия, два офицерских дома, четыре солдатских казармы, за пределами крепостных стен, с двух сторон крепости, располагалась слобода служилых людей. Крепость, отстроенная в 1720-1721 годах, сгорела дотла в 1765 году.

В первые десятилетия существования Усть-Каменогорской крепости её жители испытывали острый недостаток продовольствия. Хлеб на Иртышскую линию укреплений доставлялся тогда, большей частью, за две тысячи верст. От Верхотурья до крепости Омской его везли на лошадях, затем тянули вверх по Иртышу «бичевою». В 1747 году командующий Сибирским корпусом генерал-майор Киндерман увидел на линии укреплений первые посеы. Он написал императрице Елизавете Петровне, что казаки теперь сами будут пропитывать себя и гарнизоны, располагающиеся на территории крепостей, хлебом. Однако при обязанностях, возложенных на казаков, выращивать в таком количестве хлеб, чтобы прокормить им себя и находящихся на линии крепостей солдат, офицеров, чиновников и прочих людей, они, казаки, были не в состоянии.

После разгрома в 1775-1758 годах Китаем Джунгарского ханства, сопровождавшегося почти полным истреблением его населения, Прииртышье и Алтай оказались во владении России. Районы Верхнего Прииртышья в это время обезлюдели, начинается колонизация правого берега Иртыша, где располагалась линия военных укреплений, русскими людьми. Одновременно, по договору с русским правительством 1765 года, левый берег Иртыша занимают казахи. Современные исследователи указывают на то, что крепости Иртышской оборонительной линии функционировали не только как оборонительные сооружения, но и как меновые дворы, где население русских деревень Верхнего Прииртышья и приезжавшие из России купцы вели торговлю с казахами, купцами, приезжавшими из Ташкента, Бухары и западных районов Цинской империи. Поэтому крепости Иртышской оборонительной линии становятся зоной развития активных контактов населения Российской империи с населением Средней Азии. В 1774 году в Усть-Каменогорской крепости был создан русско-казахский разговорник, руководство составлением которого приписывается генерал-майору Скалону, исполнявшему должность командующего Сибирским армейским корпусом и, после отставки, до своей кончины в 1777 году проживавшему в Усть-Каменогорской крепости.

Потомок самого князя Степана Давидовича Эристов в четвертом поколении Георгий, сын Арагвского правителя Нугзара, во время Ксанской битвы столкнулся с казахами как с противниками на поле боя: среди попавших к грузинам в плен военачальников, воевавших на стороне кизилбашей, было три султана и казахский хан. Праправнук грузинского военачальника Георгия Арагвского, являясь комендантом крепости, расположенной на пограничной линии российских владений, имеет дело с казахами уже как с соседями. В годы службы князя Степана Давидовича Эристов комендантом крепости Усть-Каменогорская, в 1798 году, российский император Павел I позволил казахам перекочевывать на правый берег Иртыша - за Иртышскую оборонительную линию. Правда, места для кочевий казахов выделялись российскими

властями много ниже по Иртышу, чем территория, прилегающая к Усть-Каменогорской крепости, - между крепостями Омской и Семипалатинской.

На колонизацию Верхнего Прииртышья русскими людьми огромное влияние оказало то обстоятельство, что население прилегающих территорий было не свободно в передвижении. Это были люди, приписанные к заводам, крупнейшими из которых были Колываново-Воскресенские заводы, некогда принадлежавшие Демидовым, но затем отошедшие в царскую казну. В указах, относящихся к 60-м годам XVIII столетия, российское правительство пытается установить четкую норму «заселения в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телецкого озера» в 2000 человек, «дабы через то и самые те места не оскудить». Однако и такого количества земледельцев в те годы сыскать не удалось. Перепись 1763 года зафиксировала в Верхнем Прииртышье 5 крестьянских поселений с общим числом жителей 987 человек. Для того, чтобы заселить Верхнее Прииртышье, русское правительство указом 1762 года приглашает вернуться на Родину бежавших в Польшу старообрядцев. В конце 80 - начале 90 годов XVIII столетия решением Сената людям, ранее бежавшим с заводов, было позволено в Верхнем Прииртышье «жить по примеру других ясашные иноверческих народов». Возникла даже особая категория - «русские ясашные инородцы», освобожденная от солдатских и заводских повинностей. Поначалу их обязали платить «ясак» звериными шкурами, в 1796 году «ясак» заменили податью в 8 р. 50 к. с человека в год. Согласно сведениям, добытым усть-каменогорскими и алтайскими историками-краеведами, в 70-е годы началось улучшаться снабжение продовольствием как населения Колываново-Вознесенских заводов, так и Прииртышской оборонительной линии. Быстро растет общее количество жителей Верхнего Прииртышья. Перепись 1782 года дала крестьян-хлебопашцев 8801 человек, проживавших в 15 поселках. При том при всем, ситуация, с которой приходилось в годы комендантства Степана Давидовича Эристова в Усть-Каменогорской крепости сталкиваться её жителям, в равной степени как и жителям других пограничных крепостей, оставалось непростой. Иван Григорьевич Андреев, известный бытописатель как русского, так и казахского населения этих мест, в годы комендантства князя Степана Эристова служивший капитаном в крепости Семипалатинской и по долгу службы часто бывавший в других крепостях Иртышской линии, в своей автобиографической повести об обстановке в окрестностях Усть-Каменогорской крепости в 1785 году пишет буквально следующее:

«В Усть-Каменогорском уезде и Змеевском руднике замерзло [зимою] 27 человек, также птицы, голуби и воробьи померзли. Продолжавшаяся дороговизна с 1783 года на хлеб весьма усилилась, так что жители здешней части имели весьма скудное хлебом пропитание. Потому же и сенами было недостаточно, отчего появился великий упадок скота».

Должности комендантов крепостей Иртышской линии были учреждены в 1765 году. Известны фамилии некоторых комендантов крепости Усть-Каменогорская, находившихся в ней до вступления на эту должность князя Степана Давидовича: Самарин, Вервкин (по происхождению - «сын дворянина Белгородской губернии города Карапаева»). Коменданты крепостей Иртышской линии отвечали за состояние войска, вооружение, следили за исправностью крепостных укреплений и сооружений, в случае необходимости комендант должен был возглавить оборону крепости. Как видим из всего сказанного выше, - забот у коменданта хватало. К проблемам, связанным с трудностями в снабжении

продовольствием, следует также добавить частые весенние паводки и «трясения земли», влиявшие на состояние фортификационных сооружений.

Письменные свидетельства XVIII века сохранили нам несколько эпизодов из жизни коменданта крепости Усть-Каменогорская Степана Давидовича Эристова, которые очень ярко характеризуют его как личность. Капитан Иван Аднреев в своей автобиографической повести очень подробно описывает конфликт, произошедший между его братом Александром и комендантом крепости Усть-Каменогорская князем Эристовым. Брат Ивана Григорьевича - капитан Александр Григорьевич Андреев был «определен к строению крепостей по должности инженерной». Находясь на службе в крепости Омской, капитан Александр Андреев «придерживался уже тогда весьма невоздержанных подгулок, что было ... и смотреть и сносить несносно». С переводом же на службу в крепость Усть-Каменогорскую началось для капитана Александра Андреева «уклонение в чрезвычайные подгулки». В Усть-Каменогорской крепости капитан Александр Андреев, «будучи всегда в подгулах, вывел распри с комендантом, князем Эристовым, о ссыльных колодниках». Иван Григорьевич Андреев пишет, что его брат и князь Эристов в результате поссорились друг с другом. Иван Григорьевич Андреев указывает, что по пути в Усть-Каменогорскую крепость Александр Григорьевич посетил его, своего брата, служившего в Семипалатинской крепости, и выпросил у него «бывшего при горнице» слугу Виктора, поскольку, отправляясь на новое место, никаких слуг с собой не имел. В Усть-Каменогорске, уйдя в загул, начал «наказывать немилосердно и тирански слугу, который через два дня умер».

Коменданту князю Эристову по этому поводу поступил донос на капитана Александра Андреева. К этому доносу об убийстве капитаном Андреевым своего слуги присоединился также священник. Комендант «учинил» капитану Александру Андрееву «допрос», что потерявшего над собой контроль гуляку-пьяницу «чрезмерно огорчило». Трудно поверить, чтобы к офицеру за убийство своего слуги были применены при этом в наказание комендантом князем Эристовым какие-либо физические меры. Скорее всего - это был разговор напрямую, но разговор очень жесткий. Капитан Александр Андреев не был взят под стражу, не был, судя по рассказу своего брата, подвергнут какому-нибудь публичному наказанию (по крайней мере, наказанию при стечении большого количества людей) - такое, вообще, противоречит нравам крепостнической России второй половины XVIII века. После комендантского «допроса» капитан Александр Андреев «назвал к себе человека три офицеров отобедать». Закончив «все сие весело», капитан Андреев «остался успокоиться», а в третьем часу пополудни, разослав за разными делами бывших возле него людей, ...«из стуцера застрелился в висок, отчего, череп разбив, мозг и кровь как по стенам и на потолке были доказательством». Известие об этом брат Александра Иван, служивший в Семипалатинской крепости (а расстояние между Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостями все-таки немалое!), «получил ... от коменданта Эристова ...через присланного нарочного капрала». Когда Иван Григорьевич, «не мало огорчаясь», но «предчувствовав прежде из его [брата] поведения чему-нибудь быть несчастливому», приехал в Усть-Каменогорскую крепость, его брат Александр был уже «похоронен, хотя и пристойным образом, но не по-христиански, как должно».

Нельзя не доверять Ивану Григорьевичу Андрееву в том, что он весьма точно указывает на причину «ссоры» его брата Александра с комендантом князем Эристовым: жесткое, грубое обращение капитана Александра Андреева с кандальниками, людьми, а

не гулянки Александра Андреева вызвали личное неприятие и неуважение к капитану Александру Андрееву князя Степана Давидовича Эристов. Убийство капитаном Александром Андреевым своего слуги под пьяную руку переполнило чашу терпения князя, и он высказал своему подчиненному офицеру все, что он о нем как о человеке думал. И этот разговор с князем Эристовым для капитана Александра Андреева стал смертным приговором, который он сам над собою и совершил! Человеку, которого князь Эристов ненавидел, он, князь, однако же, все равно отдает должное как личности. Это выражается в том, что князь Степан Давидович счел обязательным предупредить о смерти Александра Андреева его брата и распорядился «должным образом», в рамках того, что позволяет христианский обычай в отношении к самоубийце, похоронить Александра Андреева.

Неприятие в своих офицерах грубого, жесткого обращения с людьми, находящимися в их власти, выглядит в биографической повести Ивана Андреева как нечто неординарное по отношению к поведению других начальников Иркутской оборонительной линии. Вот как, к примеру, Иван Андреев описывает заместителя коменданта Омской крепости Фрауендорфа, который очень скоро по времени создания Иваном Андреевым своей автобиографической повести становится Иркутским губернатором: «Он, Фрауендорф, столько был жесток, немилосерд, а лучше сказать, мучитель, что не устыдился одного дня до обеда пересечь плетью, кошками, при своем присутствии, где должен был слушать вопль иногда и невинных, до 110 человек. Ходя за ним, ординарцы всегда имели с собою орудия: кошки, плети, палки, грабли, вилы и тому подобное нелепое, который сколько по своей горячности и запальчивости, а более, видно было, от злобы, предвидя, может быть, по уведомлениям к нему нерасположение, только было у него в употреблении: «Бей до смерти!»».

Грубое обращение Фрауендорф допускал, как это следует из дальнейшего изложения событий Иваном Андреевым, не только к каторжным людям и простолюдинам, но и к офицерам и чиновникам, находящимся в его распоряжении, жестоко и грубо наказывая их за любую оплошность.

Конец XVIII - начало XIX века - время расцвета горного производства на Алтае. Первым по своим запасам в Алтайских горах в XVIII веке считался Змеиногорский рудник, но к 80-м годам он стал истощаться. В 1786 году из крепости Усть-Каменогорской «для поиска разных порфиридов и других камней и руд» вышли экспедиции члена-корреспондента Российской академии наук П.И.Шангина и бергешворена Ф.Ф.Риддера, которые, в отличие от других поисковых групп, направившихся в те времена по Высочайшему указу на Алтай, добились наиболее значимых результатов. Ф.Риддер отыскал более 60 месторождений, среди которых наиболее значимым было месторождение, богатое полиметаллическими рудами, названное позже его именем. Однако российское правительство было заинтересовано прежде всего в отыскании замены Змеиногорскому руднику, богатому серебряными рудами, и в том, что, в конце концов, таковой найти удалось, есть определенная заслуга и князя Степана Эристова.

В 1788 году к князю Степану обратился проживавший в крепости Усть-Каменогорская тульский купец Василий Самсонов, подавший князю послание, в котором, в частности, говорилось: «В округе Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме, в никем необитаемых горах, совершенно известны медной руды прииски, которые по причине весьма трудного и дорогого их руд доставления в заводы поныне остаются без

разрабатывания тщетными». Купец Самсонов просил для себя «в окольности Усть-Каменогорской крепости как внутри, так и вне границ позволить отыскивать всякие подземные сокровища». Он настолько сумел заставить поверить князя Степана в то, что непременно сумеет договориться в Петербурге о передаче во владение ему, Самсонову, для разработки находящиеся на берегу реки Бухтармы залежи медной руды, что комендант Усть-Каменогорской крепости снабдил Василия Самсонова приличной суммой денег, которой тому, якобы, не хватало для покупки рудника. После всего этого Самсонов скрылся в неизвестном направлении. Степан Давидович Эрстов долгое время полагал, что Самсонов «имел щастие» быть принятым главой Горного кабинета П.А.Самойловым и, «наконец, получил обысканный в Бухтарме рудник в разработку его попечению, ... а после в Петербурге помер». Об этом комендант Усть-Каменогорской - крепости пишет в Горный кабинет, заканчивая свое послание просьбой следующего содержания: «Всемиловейше испрашиваю, милостивый государь, изъявить высокую для меня милость. Порученный купцу Самсонову рудник на поставленных ему основаниях позволить оставить моему заведованию, што будет особым знаком высоких мне милостей».

Ответ начальника Горного кабинета П.А.Самойлова был краток. Он писал, что никто никогда не давал Самойлову Бухтарминский рудник и давать не собирался, а что касается утраченных княжеских денег, то глава Горного кабинета может выразить только сожаление.

Однако же, что следует из последующих событий, прочитав прошение князя Эрстова, Горный кабинет заинтересовался залежами медных руд на реке Бухтарме и уже в 1789 году начинает их разработку. Бухтарминский медный рудник становится базой для дальнейшего исследования богатств, скрытых в недрах Алтайских гор, и вскоре управляющим Колывано-Вознесенских заводов Гавриилом Качкой в Петербург был отослан следующий рапорт:

«Сего 1791 года мая месяца из находящихся при Бухтарминском руднике служителей слесарный ученик Герасим Зырянов, упражняясь в тамошних окрестностях для пропитания служителей стрельбою зверей по речке Березовке, в расстоянии от Бухтарминского рудника в тридцати трех верстах нашел рудное место, из которого рудные куски мая 28 числа были обследованы, которые по пробе оказались, что содержат золотистое серебро и свинец». Так было положено начало знаменитому Зыряновскому руднику.

Во время комендантства С.Д.Эрстова в крепости Усть-Каменогорской в ней 26 июня 1789 года была заложена каменная церковь. Сравнительно небольшая по величине, она была достроена лишь в 1800 году и освящена в 1810-м, получив в связи с тем, что её центральный придел был освящен в честь Пресвятой Троицы, название Троицкого храма. Еще в 1915 году в ограде усть-каменогорского Троицкого храма можно было видеть старинную чугунную плиту, надпись на которой гласила:

«Здесь положено тело княгини Варвары Матвеевны, урожденной княжны княжны Баратаевой, супруги премьер-майора, князя Степана Давидовича Эрстова, которая родилась в 1749, скончалась 1785 го года февраля 8 го дня, жизни ее было 35 лет, два месяца и 59 дней».

В Усть-Каменогорском долгое время бытовало предание, что Варвара Матвеевна Эристова - супруга князя Степана умерла от ожогов, полученных при варке варенья. В отдалении от Усть-Каменогорской крепости, по направлению к селу Тараханскому, князь Степан Эристов имел заимку, где жена его обычно жила летом. В одну из своих поездок на заимку княгиня Эристова варила на открытом воздухе варенье и допустила неосторожность при обращении с огнем. Платье на ней вспыхнуло, а от полученных ожогов она так и не смогла оправиться. Как о том далее гласит старинное местное предание, в память о своей покойной первой жене князь Эристов на собственные средства поставил в строящейся церкви иконостас. По описанию, сделанному в 1915 году, этот иконостас во всех приделах был деревянным, в него были установлены украшенные серебряными окладами иконы, написанные местными усть-каменогорскими художниками. По преданию, риза для главной храмовой иконы была изготовлена дворовым мастером князя Эристова Антоновым, носившим также уличную фамилию Туляков. Им же была, якобы, создана икона Св.Федора Болгарского, располагавшаяся в 1915 году в правой части алтаря. Место, где в окрестностях Усть-Каменогорской крепости находилась заимка князя Степана Эристова, еще в начале XX столетия называлось «Княжеским хутором».

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПОТОМКИ КНЯЗЯ СТЕПАНА ЭРИСТОВА

Деятельный характер, способность к активным, решительным действиям, сохранённая до самой глубокой старости, - эти качества выдающегося предка князя С.Д.Эристова - эристава Георгия Торникия в полной мере проявили себя в русских потомках князей Эристовых — Арагвских. Среди наиболее выдающихся потомков князя Степана Эристова в первую очередь следует назвать его внука - создателя российской школы кристаллографии Николая Ивановича Кокшарова (1817-1892). Главный труд его жизни - 11-томное описание минералов России - «Материалы к минералогии России». Несмотря на чрезвычайную сложность в обращении с гониометрами Волластона и Митчерлиха - приборами, при помощи которых почти на всем протяжении XIX столетия вычислялись углы, под которыми грани кристаллов располагаются друг в отношении друга, Н.И.Кокшаров добился настолько точных результатов, что они оставались бесспорными и в XX столетии, когда ни одно углублённое изучение того или иного минерала не обходилось без ссылок на проведенные Н.И.Кокшаровым исследования.

Значительную роль в развитии российской медицинской науки сыграл правнук князя Степана Давидовича Эристова — врач-физиолог Николай Александрович Миславский (1857-1929), занимавшийся вопросами выявления того, как со стороны нервной системы осуществляется руководство работой внутренних органов. В своих исследованиях Н.А.Миславский также затронул вопросы внутренней секреции органов и работу эндокринных желез. Долгое время Н.А.Миславский возглавлял физиологическую кафедру и лабораторию Казанского университета, работал в содружестве с такими учеными, как В.М.Бехтерев, английский физиолог Ленглей. В 1925 году по инициативе И.П.Павлова Н.А.Миславский был избран членом Академии наук. Н.А.Миславским и исследователями, работавшими под его руководством, было установлено расположение групп клеток в головном мозге, управляющих различными жизненными функциями (в частности - руководством процессом дыхания и работой сердца), проведены чрезвычайно тонкие гистологические исследования с целью выявления их внутреннего строения; им была изучена природа нервных окончаний в разных органах; установлена секреторная

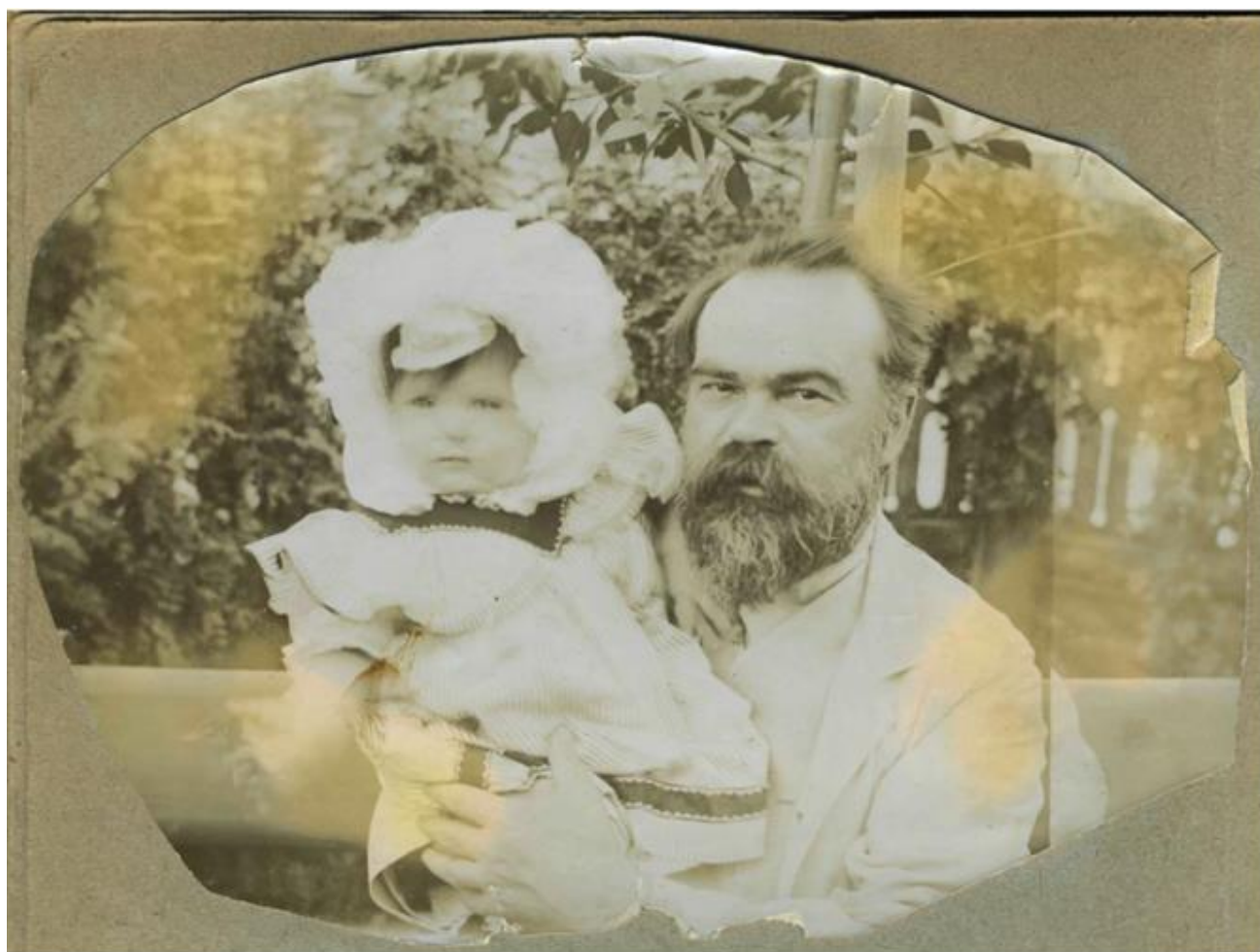
функция надпочечников, впервые в мире в его лаборатории в чистом виде был выделен секрет простаты. Так же, как это неоднократно подчёркивалось в связи с оценкой трудов Н.И.Кокшарова, о результатах научной деятельности Н.А.Миславского следует сказать, что им был накоплен чрезвычайно обширный фактический материал. Его коллеги констатировали: «Многое и многое из этого материала прошло мимо внимания мировой физиологии и ждёт своей оценки лишь в будущем».

***Праправнуки князя С.Д.Эристова-дети Григория Константиновича Кокшарова
на прогулке в Метлино***

Сведения о детских годах Н.И.Кокшарова, сохранённые в мемуарах выдающегося ученого-кристаллографа, случайные наблюдения тех людей, которые видели Н.А.Миславского ещё подростком, и семейное предание потомков князя Степана Эристова, позволяющее нам охарактеризовать ту жизненную среду, в которой вырос выдающийся российский ученый-физиолог, позволяют проникнуть в творческую лабораторию этих людей. Одним из самых ранних свидетельств о Николае Александровиче Миславском является упоминание о нём в записках врача Н.А.Белоголового, в 1866 году вместе с

Н.И.Кокшаровым сопровождавшего наследного принца Баварии Н.М.Лихтенбергского во время его поездки на Урал. В окрестностях Екатеринбурга Н.А.Белоголовый посетил Верх-Исетский госпиталь, где служил отец Николая Александровича — выдающийся уральский врач-хирург А.А.Миславский. Приведу это свидетельство так, как оно выглядит в воспоминаниях Н.А.Белоголового, опубликованных в 1898 году, в то время, когда Н.А.Миславский, защитив в 1885 году диссертацию «О дыхательном центре», имел уже степень доктора медицины и в качестве приват-доцента преподавал на кафедре физиологии Казанского университета: «Нам был показан госпиталь, в котором врачом зять Кокшарова и первый практик Екатеринбурга - Миславский. Его в то время в заводе не было, и по госпиталю я ходил с его сыном — мальчуганом лет 12 и уже очень посвящённым в тайны медицины. Госпиталь сам по себе не мудрый, но зато поражает отличной коллекцией препаратов».

Григорий Константинович Кокшаров с младшей дочерью Евой

Описание Н.А.Белоголовым его поездки на Урал выглядит порою как цепь, иногда забавных, иногда не очень, несуразностей, сменяющих одна другую. К таким несуразностям, видимо, следует отнести и маленького мальчика, рассуждающего о медицине как взрослый человек и, с точки зрения самого Н.А.Белоголового, знатока в этой области, рассуждающего совершенно разумно и правильно. Отметим также, что этот «мальчуган» весьма смело, как это следует из только что приведённого отрывка, вступает в общение со столичным гостем. Есть одно чрезвычайно интересное обстоятельство, которое условия взросления будущего выдающегося ученого-физиолога делает похожими

на то, как ещё в раннем детстве формировался характер будущих научных пристрастий Н.И.Кокшарова, самого себя называвшего «поклонником мертвых минералов», - существование рядом с этими людьми в их детские годы уникальных коллекций, соответствующих их будущему направлению научной деятельности. Вот как пишет Н.И.Кокшаров в своих воспоминаниях о том, что происходило с ним в девятилетнем возрасте: «Горные офицеры, подчинённые отцу, знакомили меня с фабриками, заводами и рудниками. Минералы, приносимые отцу с рудников, начали обращать моё внимание. Я скоро научился различать их и, видя, как мой отец раскладывает у себя минералы на полках, стал подражать ему».

Безусловно, что и в отношении Н.И.Кокшарова, и в отношении Н.А.Миславского в содержательном плане их будущей деятельности сыграл определяющую роль характер занятий их отцов. В то же время, нельзя не дооценивать и влияние на них родственников по материнской линии. В отношении Н.И.Кокшарова — это было влияние его матери и бабушки. В отношении Н.А.Миславского - родных братьев и сестёр рано ушедшей из жизни его матери. Они в своё время окружили теплом и заботой как его овдовевшего отца, так и в последующем всю его семью, которую составляли, по большей части, не родные им по крови люди, пытаясь, чего бы это им не стоило, поддерживать не только с самим А.А.Миславским, но и со всеми его детьми и внуками самые близкие отношения. Уральские потомки «Берёзовской княгини» в четвертом поколении сохранили предание о том, что их дед - Константин Иванович Кокшаров «собирал всех Миславских и увозил их в Метлино». И.И.Шафрановский — исследователь, в середине XX столетия скрупулёзно изучавший биографию и творчество Н.И.Кокшарова, полагает, что как будущий учёный-исследователь Николай Иванович Кокшаров полностью сложился под влиянием своего отца, влияние же на Н.И.Кокшарова его матери и бабушки воссоздавал следующим образом: «Не прошло бесследно и княжеское происхождение по материнской линии. Оно сказалось в пристрастии учёного к знакомствам с высокопоставленными лицами, к аристократическому обществу, светским удовольствиям и пр.». На самом деле, традиции грузинского гуманизма, унаследованные родственниками Н.И.Кокшарова и Н.А.Миславского по материнской линии, во многом выработали тот стержень, на котором строилась личность этих людей, предопределили их подходы к предмету научных исследований, отношение к реалиям их жизни. Потомки грузинских переселенцев в Россию разительно отличались по своему темпераменту от окружающих их людей. То, как гармонично они вольются в окружающую их среду, во многом зависело от того, насколько их выход в неё будет подготовлен, начиная с самого раннего детства, их родителями. В своих «Воспоминаниях» Н.И.Кокшаров очень резко противопоставляет жёсткое и требовательное отношение к окружающим людям своего отца - начальника Берёзовского рудника И.К.Кокшарова внимательному и уважительному отношению к людям со стороны его матери и бабушки. Одно из самых ярких воспоминаний своего детства для Николая Ивановича — воспоминание о том, как рабочие рудника, собираясь на охоту, попросили у отца Николая Ивановича винтовку. Иван Константинович Кокшаров винтовку своим работникам дал, но строго-настрога наказал, чтобы они не вздумали ходить на медведя. Те же ослушались. В результате один из них был чрезвычайно сильно задет медведем. «Вечером пришли посланные к отцу с повинной головой.... Отец сердился, матушка была очень огорчена и поила пострадавших вином».

Различие в отношении к произошедшему между отцом и матерью Николая Ивановича - налицо. Отец выказывает своё недовольство неповиновением ему, мать — Глафира Степановна, урожденная княжна Эристова - старается привести расстроенных и растерявшихся людей в чувство, действуя в этой ситуации так, как это, между прочим, очень характерно делать в подобной ситуации грузинам, — угощая пострадавших вином. На всю оставшуюся жизнь Николай Иванович Кокшаров сохранил верность материнскому завету, который он получил, уезжая из родительского дома на учёбу в Санкт-Петербург, в Горный кадетский корпус: «Если кто-нибудь сделает тебе добро, будь благодарен и не забывай его. Помни, что только люди подлые остаются неблагодарными». Врач Н.А. Белоголовый, создавший в своем описании уральского путешествия 1866 года карикатурный портрет НИ.Кокшарова, между тем, отмечал его добродушие и «ничем невозмутимую кротость», утверждая, что «можно держать пари, что Кокшаров никогда в жизнь свою ни о ком не отозвался дурно». На то, что Н.И.Кокшаров самым своим внешним видом являл собою воплощение доброты и предрасположенности к другим людям, указывают многие имевшие с ним дело современники. Вот как, к примеру, отзывался о нем французский геолог А.Добре: «Все видевшие его были сразу же увлечены его любезностью. Близко знавшие его находились под очарованием его редкой доброты, ярко отражавшейся на его физиономии». При всём при том, НИ.Кокшаров всегда мог заявить о себе с достоинством и, не кичась своим происхождением, напомнить другому, кто бы тот ни был, о том, что он, Кокшаров, «по крайней мере не ниже других». В этом плане весьма показательны то, как началось сближение Н.И.Кокшарова с великим немецким ученым Александром Гумбольдтом. Во время одной из первых поездок Н.И.Кокшарова за границу его, тогда ещё не очень известного, начинающего исследователя, выпускника Горного института, выдающийся немецкий естествоиспытатель принял за российского дипломатического работника Бутовского — персону, к которой у А.Гумбольдта был свой меркантильный интерес. Приняв Кокшарова за Бутовского, он отнёсся к выпускнику Горного института Кокшарову с огромным предрасположением, но когда понял, что ошибся, принял его весьма холодно. Это заставило Н.И.Кокшарова объясниться с Гумбольдтом, указать последнему, что Бутовский такой же российский дворянин, как и он, и после этого объяснения Александр Гумбольдт начал протектировать молодому Николаю Кокшарову. И в том, что Н.И.Кокшаров оставался чрезмерно добр и предрасположен к другим людям, и в том, что он, в случае необходимости, мог любому очень тактично указать на своё достоинство и заставить уважать себя, безусловно, сказывается, прежде всего, влияние его матери и бабушки.

Другая особенность влияния матери и бабушки сказалась в том, что Николаю Ивановичу было свойственно ярко, выразительно проявлять себя на людях и, предаваясь удовольствиям и развлечениям, в то же время уметь вовремя себя одёрнуть и вернуться к учёным занятиям. Будучи во время одной из своих первых заграничных поездок в Лондоне, Николай Иванович Кокшаров с головой окунулся в светские развлечения. На упрёки других относительно того, что он не за тем приехал в Англию, Н.И.Кокшаров отвечал, что никогда не забывал пословицы «Пей, да дело разумей!». Умение уходить с головой в развлечения и потом быстро переходить от развлечений к делу у Николая Ивановича вырабатывается ещё в далеком детстве, когда он от наполненной забавами и развлечениями жизни в доме своей бабушки переходил к жизни в родительском доме, наполненной учебными занятиями. Чрезвычайно много бабушка и мать Николая Ивановича Кокшарова

способствовали в принятии их сыном и внуком российской действительности времён царствования императора Николая Первого как предустановленного порядка - того, что надлежит принять без всяких оценок и рассуждений. При этом самого Николая Кокшарова не подгоняли под эту реальность, образно говоря, «укладывая в жёсткое Прокрустово ложе». Бабушка и мать Николая Ивановича научили его эту реальность принимать, оставаясь самим собой, не стесняясь свободного проявления своих чувств.

Именно эта способность к свободному проявлению самого себя особенно ценилась людьми, близко знавшими Н.И.Кокшарова. Оставаясь страстным любителем холодных, застывших в своих правильных геометрических формах минералов, Николай Иванович порою не в меньшей степени мог быть взволнован общением с близкими друзьями, хорошо исполненной оперной арией, лицезрением прекрасных дам или, к примеру, поданным к столу вкусным блюдом. Именно за его способность к живому, по-детски непосредственному проявлению своих чувств Николая Ивановича Кокшарова особо ценили его близкие друзья, такие как английский палеонтолог Мурчинсон и великий русский учёный Д.И.Менделев. «Мой милый Кок! - пишет Николаю Ивановичу Кокшарову Мурчинсон в поздравлении к свадьбе. - Ваши склонности всегда колебались между минералами и дамами!». «Милый Кокшаров — его я уважаю от всей души!» - пишет в своих дневниках Д.И.Менделеев. Близкие дружеские отношения между ним и Н.И.Кокшаровым сохранялись до конца жизни последнего. Слова, сказанные Д.И.Менделевым о Н.И.Кокшарове во время празднования 100-летия возглавлявшегося Николаем Ивановичем Горного института, могут, на первый взгляд, показаться своего рода высокопарной лестью: «Так пусть же могущественное светило освещает и впредь на благо России это учреждение светом своим полным и чистым!». Эти слова на самом деле не что иное, как признание за Николаем Ивановичем Кокшаровым способности в полной мере проявлять себя во всём — будь то его упорные научные изыскания или события повседневной жизни.

В XX столетии академик А.Е.Ферсман выскажет Н.И.Кокшарову упрёк за то, что Российское минералогическое общество в годы директорства Николая Ивановича «носило высокоаристократический характер, где лакеи в белых перчатках подавали чай». И.И.Шафрановский тоже упрекнёт Н.И.Кокшарова в том, что он в должности директора Минералогического общества «слишком культивировал великосветские связи». Для Н.И.Кокшарова чрезвычайно характерно было превращать заседания общества в яркое действо, спектакль, но вряд ли это можно ставить ему в вину, поскольку эта способность превращать всё происходящее в жизни человека в мистерию являлась в значительной мере выражением чисто грузинского темперамента этого, по языку и культуре, русского человека. Порою заседания Минералогического общества, превращавшиеся по мановению Н.И.Кокшарова в великосветские рауты, являли собою своего рода тонкий намёк на толстые обстоятельства, когда под видом смешного и несурзадного действия, инициатором которого становился сам Николай Иванович, провозглашалось право человека на своё мнение и точку зрения. Чрезвычайно своеобразно, например, 7 января 1867 года закончилось торжественное собрание, посвящённое 50-летию руководимого Н.И.Кокшаровым Минералогического общества. Началось оно с заседания в парадно украшенной зале, на котором был сделан серьёзный, обстоятельный доклад об истории общества, подготовленный его председателем. Затем прозвучали поздравления от гостей, пришедших на празднество. Продолжением торжественного заседания был роскошный

обед в гостинице «Демут». Как о том повествуется в протоколах общества, «во время обеда беспрестанно играла музыка, которая после обеда превратилась в бальную, потому что все члены общества, и старые, и молодые, пожелали танцевать. Танцы открылись польским; за неимением дам пришлось разыгрывать их роль самим господам членам общества. Директор (Н.И.Кокшаров) шёл в паре с секретарём (проф. П.А.Пузыревским), которому, как заменяющему даму, букетом служил один из цветков, недавно украшавших обеденный стол. Многие из кавалеров получили дам довольно зрелого возраста - лет под семьдесят». Эта сценка выглядела бы пустым баловством, которое позволили себе маститые учёные мужи, если бы не то, что этот импровизированный бал, проходивший всего несколько лет спустя после подавления польского восстания 1863 года, «открылся польским».

Варвара Константиновна Кузнецова (урожденная Кокшарова)

Своего рода диссонансом отмеченной многими современниками способности к живому, неожиданному проявлению себя Н.И.Кокшаровым звучат слова доктора Н.А.Белоголового о нём, когда последний утверждает, что знаменитый российский кристаллограф Кокшаров выглядит как «полный невежа относительно всего, что вне его специальности».

Можно согласиться с тем, что таковым Николай Иванович действительно становится в глазах людей новой, пореформенной России, благодаря тому, что с детства научился воспринимать окружающую его реальность как некий порядок, раз и навсегда предустановленный, не предаваясь размышлениям о том, что происходит в окружающей его действительной жизни. Самого же себя он с детства научился воспринимать как нечто, находящееся вне этого порядка. Одним из самых ранних случаев восприятия происходящего вокруг, как восприятия не совсем своего, является описание того, как маленький Николай со своими братьями и сёстрами ожидал приезда в Берёзовский рудник царя Александра Первого. Об этом эпизоде из своего детства Николай Иванович пишет в мемуарах следующее: «Мы, дети, также толковали по-своему о Государе и очень радовались, что увидим русского царя».

В этой фразе обращает на себя внимание словосочетание «русский царь». Вряд ли помимо детей управляющего Берёзовским золотым рудником, в жилах которых текла капля крови грузинских царей, могли так говорить о своём царе другие жители этих мест. Для них царь - просто царь, некая универсальная фигура. Предвидя себя членами русского национального сообщества и чувствуя своё кровное единство с русскими людьми, уральские потомки князей Эристовых-Арагвских не ощущали себя находящимися внутри русского национального сообщества. Отстранённостью от русского народа такое ощущение назвать нельзя. Здесь больше подходит слово «выделенность». Но в этой выделенности было и некое противопоставление себя происходящему в стране, когда события, разворачивавшиеся вокруг, воспринимались зачастую просто как фон, на котором выдающиеся представители уральских потомков грузинского князя проявляли свой яркий темперамент. Такое восприятие себя самого относительно пространства-времени своей жизни повлекло Николая Ивановича Кокшарова к невозможности разобраться в сути происходивших в стране перемен. Поэтому он, составляя текст своих богатых впечатлениями от встреч с яркими выдающимися людьми XIX столетия воспоминаний, отказывается от того, чтобы касаться в своем жизнеописании событий, происходивших после 1859 года.

Верность Николая Ивановича Кокшарова самому себе очень ярко проявилась в том, что его любовь к минералогии развивалась в нём зачастую вовсе не благодаря, а вопреки тому влиянию, которое стремились оказать на него окружающие его люди, многих из которых сам Николай Иванович глубоко уважал. Д.И.Соколов, преподававший в Горном корпусе в годы обучения в нём НЛКокшарова «геологию и геогнезию», особое внимание обращал на химизацию минералов, ставя изучение их кристаллического строения на второй план. Вот как он писал об этом сам: «Что касается, наконец, до кристаллического образования минералов, то сие обстоятельство может, кажется, только в частных случаях иметь влияние на свойства уплотнённых тел, а потому и не должно включать оное в общее условие единства минералогических пород».

Человеком, оказавшим в студенческие годы на будущего «отца российской кристаллографии» наиболее сильное влияние, был один из наставников Николая Кокшарова, шеф Штаба горных инженеров К.В.Чевкин. Один из минералов, описанных Н.И.Кокшаровым в 1839 году, был им назван в честь этого человека «чевкенином». К.В.Чевкин упорно хотел сделать Н.И.Кокшарова палеонтологом и уже при встрече с ним - признанным во всём мире учёным-кристаллографом - высказывал ему свои претензии: «А

всё-таки я Вам никогда не прощу, мой друг, того, что я хотел из Вас сделать палеонтолога, а Вы сделали минерологом».

Мы видим, что завожившее в глубоком детстве воображение сына директора Берёзовского золотого рудника свечение, распространявшееся от геометрически чётких и правильных граней кристаллов, оказало на него настолько глубокое воздействие, что уверения авторитетных педагогов и высоко чтимых Николаем Кокшаровым — студентом Горного института наставников не могли заставить его посвятить свою жизнь другому, нежели проявлениям действия «чудной силы, называемой кристаллообразовательной силой». По воспоминаниям своих современников, Н.И.Кокшаров являл собою настолько страстного коллекционера, что когда видел в частных коллекциях кристаллы правильных чётких форм, не успокаивался, пока не получал эти экземпляры в свои руки. При этом, однако, он не чурался и радостей жизни, свидетелем чему являются некоторые любительские стихотворные вирши, созданные самим Н.И.Кокшаровым:

И всё ж светлее фенакита

Блестят лазурные глаза...

Любовь и страсть в них глубже скрыта,

Чем в росточки александрита

И многие другие чудеса.

Ещё одно обстоятельство того, как шёл процесс формирования исследовательских пристрастий Н.И.Кокшарова, мне представляется чрезвычайно интересным. Увлёкшись в юности трудами кристаллографа Р.Ж.Гаюи (1743-1822), он воспринял у последнего его склонность к математически точному описанию кристаллов, но не воспринял его теорию внутреннего строения кристаллов на основе так называемых «интегрирующих молекул» - мельчайших тел, имеющих правильную геометрическую форму. Казалось бы, юношеский максимализм должен был заставить Николая. Ещё одно обстоятельство того, как шёл процесс формирования исследовательских пристрастий Н.И.Кокшарова, мне представляется чрезвычайно интересным. Увлёкшись в юности трудами кристаллографа Р.Ж.Гаюи (1743-1822), он воспринял у последнего его склонность к математически точному описанию кристаллов, но не воспринял его теорию внутреннего строения кристаллов на основе так называемых «интегрирующих молекул» - мельчайших тел, имеющих правильную геометрическую форму. Казалось бы, юношеский максимализм должен был заставить Николая Кокшарова во всём следовать тому исследователю, труды которого чем-то поразили его. В последующем теория Гаюи была мировой учёной общественностью отвергнута, и минерологи всех стран сосредоточились на описании внешней формы кристаллов, считая, что пока не пришло время для создания теории их внутреннего строения. К такому подходу в отношении к предмету своего исследования Н.И.Кокшаров был готов, судя по всему, ещё в молодые годы, тогда, когда он мечтал, познакомившись с описаниями кристаллов, сделанными выдающимися европейскими учёными, сделать что-то подобное и в отношении кристаллов России. В своих популярных работах и лекциях по минералогии Н.И.Кокшаров довольно часто заявляет о том, что внешняя форма кристалла играет определяющую роль в отношении проявления тем или другим минералом своих внутренних свойств: «Многочисленные точки наблюдения показали нам, что внутренность

кристаллов представляет совершенно особенные, своеобразные отношения и обнаруживает различные феномены, в своём роде столь же чудные, как и феномены, замечаемые в индивидуумах животного и растительного царств.... Все эти феномены, так же как у индивидуумов органических, находятся в известном соотношении, в тесной связи с правильной наружной формой кристаллов».

Н.И. Кокшаров как исследователь, сосредоточившись на скрупулёзном выявлении особенностей внешней формы кристаллов, предвидит последних как «настоящих индивидуумов неорганического мира». Именно они, в отличие от других минералов, по мнению Николая Ивановича, «заклучают в себе существеннейшее условие каждого индивидуума - правильную наружную форму, находящуюся в тесной связи со всеми прочими их внутренними свойствами».

Такие признания, в которых Н.И.Кокшаров выходит на размышление об общих особенностях проявления себя высшими формами организации как неживой природы (кристаллами), так и природы живой, органической (животными и растениями), заставляет обратиться к тому, как в традиционной грузинской культуре, равно как и грузинскими мыслителя-ми-гуманистами, чьи учения были довольно широко распространены в просвещённых кругах грузинского общества, трактовалась тема достоинства индивида, личности, человека. Ещё в дохристианские времена в грузинском народе живущие на земле люди представлялись как работники-наймиты («кма») верховных богов. Земля мыслилась как внешнее по отношению к небу — месту проживания верховных богов (их дому и саду), пространству, составляющему главную часть их хозяйства. То, что все люди не более чем наймиты Великой семьи богов (Солнца, Луны и звёзд), принципиально сближает их друг с другом. С другой стороны, к своей деятельности, направленной на преобразование окружающего человека пространства, человек, в рамках традиционного грузинского предвидения целей и задач своего собственного существования, подходил как к своего рода игре или даже «театру», когда выполнение трудовой функции тесно увязывалось с предлагаемым народной мифологией «ролью». Соответствие этой «роли» предопределяло то, как человек проявлял себя в повседневной жизни. В Средние века в просвещённых кругах грузинского общества широко распространяется учение христианского богослова, мистика, философа, известного всему миру под именем одного из учеников апостола Павла - Дионисия Ареопагита. Интерпретации этого учения в трудах средневековых грузинских философов-гуманистов (Иоанна Петрици, Ефрема Мцире и др.) для широких слоев грузинского просвещённого общества часто становятся основой организации социально-общественного быта. Согласно учению Дионисия Ареопагита, некое особое знание об окружающем его мире даётся человеку в результате познания им того предела, который ему был положен свыше. С точки зрения обыденного народного грузинского сознания, к которому просвещённые круги грузинского общества оставались причастны, таким «пределом» предстаёт та самая «роль», которую человеку надлежит исполнить. Отметим, что эта «роль», в равной степени как и «предел» в мистическом учении Дионисия Ареопагита, не есть само по себе выражение внутренних качеств некоего индивида, а наоборот, чёткое видение своего «предела» или «роли» способствует наиболее полному проявлению индивидом самого себя. Грузинские средневековые мыслители-гуманисты категорию предела перетолковали как совокупность следов («квали»), которые сущности высшего духовного порядка оставляют в душе человека. Характерно, что уже для Дионисия Ареопагита было свойственно иерархическое

понимание организации мира, в основе которой находится иерархическая система Высших сущностей, в соответствии с которой выстраивается церковная и социальная иерархия. Однако видение человеком своего предела (по мнению грузинских последователей Дионисия Ареопагита, оно есть на самом деле, чёткое видение тех «следов», которые Высшие сущности оставляют в нашей душе) ставит человека над земным порядком и иерархией, делая его сопричастником иерархии Высших духовных (Божественных) сущностей.

Одной из проблем переселенцев из Грузии в Россию — представителей сословия князей в XVIII столетии было то, что они из одного социального «порядка» попали в «другой», в котором не очень-то хотели считаться с тонкостями и нюансами, связанными с тем, какое КОНКРЕТНОЕ место занимали представители грузинских князей, переходившие в российское подданство, в своей родной «иерархии». Происходит нивелировка, в соответствии с которой учитывается при наделении землёй и крепостными крестьянами только принадлежность к основным группам высшего класса грузинского общества - князьям («мтаварам») или дворянам («азнаурам»), когда князьям, независимо от знатности их рода, каждому определяется по 30, дворянам - по 10 крестьянских дворов. Потом ещё оказывается, что место грузин-переселенцев отнюдь не в центре, сосредоточиях социальной жизни в стране, а где-то на краю империи, и им вменяется сторожить границы Российского государства. Всё это было сопряжено с формированием особых комплексов в восприятии себя в отношении других людей. Эти «комплексы», как и пути их преодоления потомками грузинских переселенцев в Россию, передавались из поколения в поколение. Для Н.И.Кокшарова одной из таких проблем была задача убедить себя и других в том, что «он, по крайней мере, не ниже других», и в одном из своих стихотворений он очень чётко продемонстрировал, как он в своей жизни эту проблему решил:

Учёным быть — вот жребий мой,
Учёным след и оставаться!
Приём радушный, да и честь
В Турине, Мюнхене, Париже...
Мне в Академиях место есть...
Скажите, чем других я ниже?

В этих строках мы видим, что потомок людей, некогда вершивших в Грузии судьбами царей, отсекавших головы одних и бросавших их под ноги другим (именно так поступал один из предков Н.И.Кокшарова, в VI поколении эристав Арагвский Зураб), стремится в тех условиях, когда в российской системе иерархии власти он явно не может претендовать на столь высокое место и влияние, быть не ниже других за счёт того, чтобы занять высокое место в иерархии совсем иного рода, чем сословно-властная структура Российского государства, - в иерархии научной. Иерархия Высших духовных сущностей отличается от иерархии земной, сословной, в том, что она человека делает равным тем духовным началам, следы которых он, человек, в себе обнаруживает и воздействие которых на себя он осознаёт. Человеку, чтобы быть достойным этих Высших сущностей, остаётся следовать тому пониманию своей роли, своего предназначения, которое открывается ему в связи с

видением своей конкретной жизненной задачи. Так и Н.И.Кокшаров считает, что для него «след оставаться учёным», и именно это делает его в его собственном представлении равным тем представителям высших слоев европейского и российского общества, внимания, расположения и постоянного соприсутствия которых рядом с собой он искал всю жизнь.

Правнук грузинского князя С.Д.Эристов Н.А.Миславский в значительно меньшей степени был лишён великосветских амбиций, чем его дядя. Мне представляется, что на формирование Н.А.Миславского как учёного огромное значение оказал тот факт, что, проживая в детстве на Урале, он являлся полноправным членом большого семейного дома потомков князя Степана Эристов, объединивших под своей крышей людей очень разных и по характеру, и по тем задачам, которые они перед собою в жизни ставили. Степень родства между представителями этого сообщества близких родственников оставалась предельно близкой, и в этом семейном сообществе культивировались традиции взаимопомощи и поддержки друг друга. В 1891 году, по смерти Н.О.Кова-левского, приват-доцент Н.А.Миславский сделался заведующим лабораторией и кафедрой физиологии Казанского университета и зарекомендовал себя как талантливый организатор работы весьма значительного по числу участников научно-исследовательского коллектива. Его коллеги вспоминали: «Оригинально, что Николай Александрович остроумно и очень удачно умел сочетать интересы своего уклона работы со специальной квалификацией и склонностями всякого, кто обращался к нему за темой для разработки. Так, врачи-терапевты, гематологи, хирурги или глазники получают от него задания сообразно их специальному опыту и эрудиции, но вместе с тем как те, так и другие, и третьи служат основному направлению лаборатории». Коллеги Н.А.Миславского в особую заслугу ему ставили его подход к молодёжи, отмечая в этом плане, что «он привлекал к себе той истинно благородной доступностью и снисхождением к неопытности и уважением к работоспособности, которая присуща только великим духом».

Приязненное, доброе отношение к другим людям независимо от их происхождения и социального положения — черта, которая характеризовала почти всех представителей большого семейного дома потомков князя С.Д.Эристов. В среде правнуков грузинского князя, как об этом говорилось уже выше, культивируются отношения посредничества, когда каждый из представителей этого рода видит себя посредником между другими его членами. Стремление быть посредником, и прежде всего посредником между российскими исследователями-физиологами и их зарубежными коллегами, посредником между учёным миром и учащейся молодёжью, очень ярко характеризовало Н.А.Миславского. Н.И.Кокшаров во время своих первых поездок за границу — тогда ещё мало известный западноевропейским учёным русский исследователь - вынужден был, помимо своего основного научного увлечения, интересоваться и другими направлениями геологических наук. Но делал он это по принуждению пославшего его в учебную командировку за границу К.В.Чевкина. Н.А.Миславский выезжает за границу уже после того, как в 1885 году защищает свою докторскую диссертацию и в качестве приват-доцента преподаёт на кафедре физиологии Казанского университета. Чтобы ближе ознакомиться с опытом работы ведущих западноевропейских учёных (Людвига в Германии, Грэана и Дюбуа-Реймонда во Франции) и донести опыт их работы своим российским коллегам и студентам, он посещает лаборатории маститых западноевропейских мэтров от физиологии и выполняет в этих лабораториях конкретные исследования, не связанные напрямую с

кругом его собственных научных интересов. На вопрос Людвиг, желает ли Н.А.Миславский сделать научную работу или просто поучиться у него, Николай Александрович ответил: «Я приехал учиться, а не делать работу». Вспоминая о Н.А.Миславском, его бывший ученик и коллега К.Быков писал: «Мы, его слушатели, постоянно чувствовали, что он связан с европейскими лабораториями и передаёт нам то, что сам видел и слышал от своих европейских товарищей». Надо отметить, что настоящий посредник является лицом, в котором в равной степени испытывают нужды те лица, посредничество между которыми он осуществляет. Долгое время Николай Александрович из-за продолжительной болезни и тяжёлого положения в стране и в мире не мог выехать из России в Западную Европу. К.Быков, побывавший в заграничной командировке в 1928 году, за год до смерти Н.А.Миславского, писал: «Будучи в прошлом году в командировке во Франции, я лично убедился, как высоко ценили его [Н.А.Миславского] там и как искренне сожалели Глей и другие французские физиологи, что так надолго порвалась связь с Миславским».

Стремлением к посредничеству как одним из ярких качеств натуры Н.А.Миславского можно объяснить ту страстность, с которой он предавался делу распространения в России медицинских знаний (Н.А.Миславский был одним из основателей «Русского физиологического журнала») и внедрению технических достижений западноевропейской медицины в России. Н.А.Миславский чрезвычайно много сделал для распространения в нашей стране электрокардиографической методики. Проведя два месяца в лаборатории Эйнтховена, в 1907-1908 годах Н.А.Миславский установил в своей лаборатории струнный гальванометр. К.Быков спустя десять лет писал об этом в «Русском физиологическом журнале»: «Я помню, с каким увлечением он занимался изучением токов деятельности при разных условиях и знакомил клиницистов с электрокардиографическими приёмами».

Необычайный рост устремлений быть посредниками для поколения правнуков грузинского князя Степана Эриванского приближал конец существования их сообщества, поскольку, чем более потомки грузинского князя вовлекались в жизнь окружающих их людей, тем меньшее значение для них имело осознание своей личности по отношению к той среде, которой они уже давно принадлежали. Поколение правнуков князя Степана стало последним поколением сообщества близких родственников - его потомков. В их среде стремление к сохранению сообщества и недовольство теми традициями, на которых зиждилось его существование, предстали конфликтом между племянницами Н.И.Кокшарова и двоюродными сестрами Н.А.Миславского Марией и Магдалиной.

В учении Дионисия Ареопагита видение человеком тайн мироздания дается как дар от чёткого видения того, какой предел положен каждому из нас. Эта установка по-своему воплотилась в том, что становится предметами исследования как для кристаллографа Н.И.Кокшарова, так и для физиолога Н.А.Миславского. Н.И.Кокшаров очень чётко подразделял окружающую нас природу на мир органики и неорганики. К миру органическому он долгое время относил исключительно только растений и животных, к неорганическому миру - природные минералы и созданные человеком вещества. Науку о явлениях неорганического мира он называл анографией и фактически ставил знак равенства между ней и минералогией. В годы жизни Н.И.Кокшарова кристаллография не выделялась по отношению к минералогии в отдельную дисциплину. Главной особенностью отношения Н.И.Кокшарова к своему предмету исследования является именно то, что он, будучи минерологом, сосредоточил всё свое внимание на

математически точном описании внешней формы кристаллов. Какой-либо теории относительно того, каким образом изучение мира кристаллов может способствовать пониманию происходящего в мире неорганической природы, - у него не было. Николай Иванович просто продолжает в течение своей жизни описывать внешнюю форму встречающихся в природе кристаллов, сначала для каждого их вида определяя, как он это говорил сам, «элементарную форму», потом находя отклонения от неё, достигавшие иногда величины всего в несколько минут, что при тогдашнем характере приборов, при помощи которых производились кристаллографические измерения, было сделать весьма непросто. Подобно этому, обращение к памятникам раннесредневековой грузинской литературы (в частности - к повести VI в. «Мученичество Шушаники») показывает, что уже очень давно в обыденное сознание грузин проникает идея о том, что каждому индивидууму (а своё увлечение кристаллами Н.И.Кокшаров объясняет зачастую именно тем, что в лице их он имеет дело с настоящими индивидуумами неживой природы) положен свыше свой собственный предел. Надо сказать, что именно страстное стремление Н.И.Кокшарова к чёткому воссозданию тех «пределов», которые положены миру неорганической материи, привело других исследователей к пониманию того, что путем скрупулёзного описания внешней формы кристаллов добиться ясности в понимании законов неорганического мира нельзя. При этом происходило только накопление новых и новых фактов, когда, по словам основоположника учения о структуре кристаллов, творца современной теоретической кристаллографии Е.С.Фёдорова, «не было никаких других занятий, кроме повторения в сотый раз измерения кристаллов минералов, доставленных инженерами с новых месторождений. ... Если же при этом измерении удавалось найти грани, не наблюдавшиеся другими, то это ... составляло чуть ли не великое открытие, тогда как на деле это было открытие случайности, т.е. никакого научного значения не имело».

Я уже говорил о том, что одним из результатов научной деятельности Н.А.Миславского было, подобно результатам поисков Н.И.Кокшарова, огромное количество фактического материала. Его коллеги отмечали по этому поводу: «Все труды [Н.А.Миславского] отличаются большим разнообразием, настолько большим, что для того лица, кто стал бы просматривать одни лишь заглавия, могла ускользнуть основная мысль, заложенная во всей продукции. А между тем, она характеризует определённые склонности этого замечательного исследователя и даёт, в конце концов, чрезвычайно выраженную гармонию его взглядов». Коллега Н.А.Миславского К.Р.Викторов в своей чрезвычайно интересной работе «Опыт характеристики научной деятельности Н.А.Миславского» видит гармонию взглядов Н.А.Миславского в том, что «первая закладка [научной деятельности Николая Александровича] была удачной в том отношении, что она была из области всеобъемлющей». Говоря в общих чертах о том, что в содержательном плане представляла собою научная деятельность Н.А.Миславского, К.Р.Викторов пишет: «Мы имеем в деятельности Николая Александровича богатое разветвление мысли основным стволom иннервации с начала и до конца». К.В.Викторов очень чётко расписывает то, как менялось направление научных изысканий Н.А.Миславского во времени его жизни. Согласно воспроизводимой им картине, создаётся впечатление, что интерес Н.А.Миславского к тому, как работают те или иные органы нашего организма, был опосредован темой центральной и периферической иннервации, и к вопросам внутренней секреции отдельных органов и работе эндокринных желез Н.А.Миславский обращался только лишь по мере того, как решались им, в первую очередь, проблемы центральной иннервации (нахождение в

головном мозгу группы клеток, отвечающих за осуществление определенных функций организма, и изучение их строения и физиологии) и проблемы того, как нервные окончания соотносятся с основными тканями (паренхимой) конкретных органов (вопросы периферической иннервации). В этой схеме центральная иннервация-выяснение чёткого расположения и строения группы нервных клеток, руководящих определёнными процессами жизнедеятельности организма, представляется, когда речь идёт о трудах грузинских средневековых мыслителей-гуманистов, неким аналогом «следов» (квали), оставляемых Высшими сущностями в душе человека. Различия в том, что для Н.А.Миславского как для врача-физиолога человек прежде всего есть живой организм, для средневековых грузинских мыслителей речь шла о душе человека в отношении к неким чисто умозрительным сущностям духовного порядка.

Для коллег Николая Александровича Миславского не было никаких сомнений в том, что они имеют дело с уникальным, выдающимся человеком. В журнале «Ученые записки Казанского университета», посвящённом памяти Николая Александровича, врач В.И.Бика пишет о нём следующее: «Несмотря на физическую слабость и свои 74 года, Николай Александрович, как всем известно, до последних минут своей жизни работал над разрешением сложнейших вопросов физиологии, руководя работой десятков учеников. Эта неистощимая умственная работоспособность в продолжении многих десятков лет является счастливой особенностью многих больших людей. Невольно вспоминаются некоторые исторические примеры. Так, Гумбольдт в 90 лет сохранил свой светлый ум, французский химик Шеврель лично присутствовал при праздновании своего столетнего юбилея. По некоторым данным, Софокл написал «Эдипа» на сто первом году жизни».

После смерти Николая Александровича его коллеги попытались приоткрыть тайну уникальной работоспособности этого человека. Его мозг был извлечён из тела и препарирован. Проводивший это исследование патологоанатом В.И.Бика обнаружил ряд особенностей строения мозга Н.А.Миславского, которые он не встречал или редко встречал в других «препаратах». Среди таковых В.И.Бика отметил «значительное количество хорошо выраженных конечных мелких артерий, быстро рассыпающихся в виде кисточек». В.И.Бика не исключал, что наблюдавшаяся им в мозгу Н.А.Миславского картина могла быть чрезвычайно специфической реакцией на склерозирование артерий. Другая особенность мозга Н.А.Миславского, подмеченная патологоанатомом, заключалась в том, что артерия «a.vertebralis sinistra [у него] отходила непосредственно от дуги аорты, что непосредственно являлось небезразличным в деле кровоснабжения мозга». Говоря об этой особенности кровеносной системы Н.А.Миславского, В.И.Бика отмечает только одну известную ему аналогию, которая была обнаружена профессором Н.П.Немировым при исследовании мозга профессора Холодновского.

Помимо Н.А.Миславского, среди правнуков князя Степана Эриванского можно назвать ещё одного врача, успевшего проявить себя деятельным хирургом-практиком, - Николая Константиновича Кокшарова, сына управляющего Сысертскими заводами, владельца Метлинской усадьбы К.И.Кокшарова. Ранняя смерть врача-хирурга Н.К.Кокшарова помешала тому, чтобы он успел прославить себя в той же степени, как Н.А.Миславский. Жизнь Николая Константиновича оборвалась в 28 лет. В некрологе по поводу его смерти от воспаления лёгких, опубликованном в «Екатеринбургской неделе» 3 февраля 1891 года, говорится, что «Николай Константинович обладал недюжинными способностями». За

исследование по фармакологии, которое Н.К.Кокшаров написал будучи студентом Казанского университета, он был удостоен золотой медали, а курс закончил с отличием. Сразу же по окончании университета в 1888 году Николай Константинович начал службу в Режевском медицинском участке и через восемь с половиной месяцев поступил участковым врачом в Полевской участок. За время своей недолгой медицинской службы, при не всегда благоприятных к проведению операций условиях (в Полевской больнице, например, только в конце 1890 года Николай Константинович сумел переоборудовать одну из комнат больницы под операционную), Николай Константинович провёл 310 больших операций (ампутации, резекции, трахеотомии, удаление эхинококка печени, радикальная операция грыжи и другие). Все эти операции имели благоприятный исход. Им также с успехом было проделано более 100 глазных операций, из которых большую часть составляли извлечения катаракт. С катарактами к Николаю Константиновичу обращались даже из сравнительно отдалённых мест, например, из Челябинского и других уездов Оренбургской губернии.

КОНЕЦ БОЛЬШОГО СЕМЕЙНОГО ДОМА

История уральских потомков князя Степана Давыдовича Эрнстова представляет чрезвычайный интерес как история потомков грузинских переселенцев в Россию, которые, уже сделавшись по языку и культуре совершенно русскими людьми, в течении длительного времени сохранялись как некое сообщество близких родственников - большой семейный дом. Судя по - всему, объединило их в этом сообществе осознание значимости их предков - представителей древнего аристократического грузинского рода, ведущего свое начало от одного из ярчайших деятелей Православного мира - монаха - воеводы Эрнстава Георгия Торникия. Его уральские потомки были людьми, активно вовлеченными в экономическую и общественную деятельность уральского края, но в их среде сохранялась сознание особой ценности того, что все они имеют одного общего предка, и, потому, должны близко держаться друг друга. Постепенно у них возникает сознание особой ценности ставшей для нескольких поколений князя Степана Эрнстова традиционной системы родства, когда все представители одного поколения чувствовали себя равными как перед своими дальними предками - князьями Эрнстовыми Арагвинскими, так и друг перед другом. Как только отдельными представителями этого рода необходимость в воссоздании, ставшей для большого семейного дома потомков князя Степана Эрнстова традиционной, системы родства начала восприниматься в тягость — это сообщество близких родственников сразу распадается. К поколению правнуков, в котором, обычно, осознание своего родства далекому предку (прадедушке) уже весьма слабо влияет на ощущение своей кровной близости друг другу, относились две родные сестры - Мария и Магдалина Кокшаровы. Магдалина Константиновна решительно отстаивала ценность устоев, на которых зиждилось существование большого семейного дома близких родственников - потомков князя Степана Эрнстова. Другая сестра - Мария, наоборот, столь же активно издевается над семейными традициями, представляет их в глазах других людей как некий абсурд. На фотографиях защитница традиций большого семейного дома Магдалина Кокшарова предстает слегка полноватой, флегматичной молодой особой, а её антипод - сестра Мария как подтянутая, стройная, энергичная дама, готовая в любой момент к быстрым, решительным действиям. Согласно сведениям, сохраненным семейным преданием потомков князя Степана Эрнстова, Мария выделялась ослепительной красотой, покоряющей сердца многих. Харизматической личностью была и её сестра Магдалина. В

Петербурге вокруг неё сформировался кружок глубоких почитателей, о которых двоюродная сестра Магдалины - дочь Николая Ивановича Кокшарова, писала: «Много у них недостатков, но есть одно, с моей точки зрения, большое достоинство — все они любили Лину». О том, насколько велико было обожание Магдалины со стороны тех, кто её знал во время её короткой жизни, свидетельствует надпись на её фото, оставленная сразу после смерти Магдалины неким «студентом Герасимовым»: «Чиста, как лилия, прекрасна, как звезда! Жить не могла она среди людей ничтожных ...». Конфликт между сестрами разворачивается на глазах у петербургского светского общества. Этот конфликт - одно из явлений той эпохи, когда человечество активно расставалось со своими прежними идеалами.

Ситуация, сложившаяся после Октябрьской революции, когда человеку опасным становится намекать на свою « голубую » кровь, не способствовала тому, чтобы уральские потомки князя Степана Эривова в четвертом и пятом поколениях сумели сохранить как некое единое целое свое семейное предание. В то же время, ими были сохранены сведения о родстве отдельных представителей большого семейного дома потомков грузинского князя Степана Эривова друг другу и самому князю как своему родоначальнику. Действительные, реальные сведения о нем в их памяти не сохранились. Для представителей пятого поколения потомков князя Степана Давидовича Эривова - Натальи Михайловны Степановой и Галины Ивановны Казаковой Степан Эривов становится неким человеком - именем, знаковой фигурой, освещающей происходившее с его потомками, различные обстоятельства жизни которых им ярко описывались их родителями - представителями поколения праправнуков князя Степана Давидовича. Те представители четвертого поколения потомков князя Степана Эривова, которые жили в России в XX веке, в частности мать Н.М.Степановой Ева Григорьевна Кокшарова, совершенно ничего не знали о своем древнем предке Торникии Эриваве. Судя по всему, уже где-то в конце XIX - XX, когда в Грузии в светских кругах появляется определенный интерес к Эриваву Торникию как выдающемуся грузинскому деятелю, прославившему грузин в пределах всего Православного мира, у русских потомков Эривавы Торникия, людей, относившихся к тем кругам, в жизни которых религия не играла большой роли, интерес к этой личности ослабевает.

История потомков князя Степана Давидовича Эривова чрезвычайно интересна в плане того, что помогает воссоздать процесс складывания и развития сообщества людей, являющегося инструментом для передачи позитивного жизненного опыта от одного поколения другому. Она помогает четко выявить принципы, на которых строятся взаимоотношения между людьми в таком сообществе, демонстрирует то, что существование такого сообщества подразумевает необходимость особых усилий, направленных на поддержание становящихся внутри сообщества традиционными, взаимоотношений его членов. Сведения, сохранившиеся о потомках грузинского князя Степана Эривова, помогают воссоздать общую картину того, как ситуация, складывающаяся внутри такого «неотрадиционалистского» сообщества, соотносилась с тем, что происходило в окружающей это сообщество реальной действительности.